

A movie poster for the film 'The Game' (Игры противостоЯние). The central figure is a young woman with long, wavy, light-colored hair. Her forehead is cracked, and a glowing, digital scene is visible within the crack, showing two figures in a futuristic, brightly lit environment. The background is a dark, industrial-looking space with blue and purple lighting. The title 'ВАДИМ ПАНОВ' is written in large, bold, white letters at the bottom. Below it, the words 'ЧУЖИЕ ИГРЫ' are written in a smaller font, with horizontal lines separating the characters. At the very bottom, the word 'ПРОТИВОСТОЯНИЕ' is written in a large, bold, white font, with a horizontal line above it.

ВАДИМ ПАНОВ

Ч — У — Ж — И — Е И — Г — Р — Ы

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Чужие игры

Вадим Панов

Чужие игры. Противостояние

«Автор»

«ЭКСМО»

2022

Панов В. Ю.

Чужие игры. Противостояние / В. Ю. Панов — «Автор»,
«Эксмо», 2022 — (Чужие игры)

Лунный клипер «Чайковский» потерпел катастрофу! Его пассажиры - юные победители конкурса «Фантастическое рождество» пытаются спастись, но попадают в ловушку. Теперь они заперты на гигантском инопланетном корабле, который потерял управление, и держит курс на столкновение с Марсом... Спасательная миссия с Земли провалилась, с каждым мгновением ребята оказываются всё дальше от дома, и только от них зависит, сумеют ли они вернуться. Но в тот момент, когда все должны быть едины, неожиданно выясняется, что никто никому не верит...

© Панов В. Ю., 2022

© Автор, 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
25.12.2036	8
Лондон, Великобритания	38
25.12.2036	41
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вадим Панов

Чужие игры. Противостояние

21 декабря 2036 года от орбитальной станции «Надежда» отстыковался и взял курс на Луну новейший русский клипер «Чайковский». На его борту находилось больше пятидесяти пассажиров и членов экипажа, в том числе тридцать четыре подростка в возрасте от четырнадцати до девятнадцати лет, которые выиграли увлекательное путешествие в олимпиаде «Фантастическое Рождество», организованной частной космической компанией «Vasoom Inc.» Всемирного конкурса юных талантов.

Первые несколько часов после старта полёт проходил штатно, но затем «Чайковский» перестал выходить на связь, а радары показали, что корабль столкнулся с астероидом, неожиданно и необъяснимым образом оказавшимся на его пути. Вначале на Земле решили, что в случившейся катастрофе никто не выжил, однако вскоре выяснилось, что «Чайковский» столкнулся не с астероидом, а с гигантским космическим кораблём, вышедшим из межзвёздного перехода.

Клипер получил сильные повреждения, но пришельцы втащили его в один из грузовых ангаров и тем спасли землян от неминуемой гибели. Более того – инопланетяне обеспечили пассажиров «Чайковского» всем необходимым, не проявили враждебности, не мешали связываться с Землёй и рассказывать о происходящем, но при этом хранили молчание, не реагируя на просьбы о переговорах. Казалось, они сами не знают, что делать с неожиданно появившимися пассажирами. А «пассажирам» – людям на чужом корабле, запертым в огромном ангаре, не имеющим возможности что-либо предпринять и даже пообщаться с инопланетянами, оставалось только ждать и верить.

Известие о появлении в Солнечной системе инопланетян всколыхнуло земное сообщество. К дрейфующему в направлении Марса кораблю была срочно направлена экспедиция под руководством Аллана Райли – директора «Vasoom Inc.». Официально целью экспедиции считалось спасение и возвращение домой пассажиров «Чайковского», но в действительности Райли и политические лидеры Земли надеялись вступить в полноценный контакт с инопланетянами и заполучить хотя бы некоторые их технологии. Эта задача считалась настолько важной, что спасение пассажиров «Чайковского» отступило на второй план, и миссия провалилась. Инопланетяне отказались подпускать к кораблю клипер, в котором летели военные, но Райли пошёл напролом, и его упрямство привело к конфликту, в результате которого компьютерная система инопланетян вышла из строя.

Гигантский корабль потерял управление, но продолжил двигаться прежним курсом – к Марсу, однако никто не знает, чем закончится путешествие.

А в это самое время идущее на Земле расследование показало, что на борту «Чайковского» скрывается Честер Краузе – самый опасный террорист современности...

Пролог

– Ты действительно так думаешь?

– Да, я действительно так думаю, – твёрдо повторил Краузе. – Ты поступила абсолютно правильно, они нуждались в помощи, и они её получили. В конце концов, мы – люди, мы не можем иначе.

– Спасибо, – вздохнула девушка. – Я...

Она запнулась.

– Ты считала, что я буду против? – удивился Краузе.

– Нет! Нет, конечно, просто в какой-то момент я подумала, что будет проще... поступить иначе.

Она признавалась в собственной слабости, и Честер это оценил. И очень мягко ответил:

– Что бы они о нас ни говорили, мы не такие. Не такие, какими они пытаются нас представить. Но помогая им, мы должны помнить, что нас они не пощадят.

– Я знаю.

Краузе отдыхал, сидя на полу у открытой шахты лифта. У очень глубокой шахты, по которой он спускался к центру инопланетного корабля. И, несмотря на отличную спортивную подготовку, изрядно умаялся. Этот привал стал вторым на его пути, и сейчас Краузе не только отдохнул и выпил воды, но и съел мясной паштет из ставшего привычным тюбика космического рациона.

– Когда они очнутся?

– Медицинская служба говорит, что часа через два, не раньше, но может, позже, – ответила девушка. – Им вкололи очень мощный коктейль, и если он их не убьёт, то обязательно поднимет на ноги.

– Хорошо. Надеюсь, мне хватит. – Краузе сделал ещё один маленький глоток воды, убрал флягу в рюкзак, туда же спрятал пустой тюбик и поднялся на ноги, прихватив лежавший под правой рукой пистолет-пулемёт. Потянулся, разминая уставшие мышцы, и весело поинтересовался: – Ты сможешь подогнать мне лифт?

Девушка шутку не поняла, поэтому ответила грустно и серьёзно:

– К сожалению, нет. Этот сегмент станции заблокирован директивой высшего ранга, и я пока не могу получить к нему доступ.

– Значит, продолжу путешествие прежним способом...

Краузе не договорил, замолчал так резко, что его собеседница почувствовала неладное:

– Что случилось? – Тишина. – Что у тебя происходит?

И с облегчением выдохнула, услышав негромкое:

– Скажи, пожалуйста, ты знаешь, как выглядят инопланетяне?

Неожиданный вопрос на несколько секунд привёл девушку в замешательство.

– Ну...

– Они ходят на четырёх лапах, покрыты шерстью, выглядят злобными, а их пасть набита длинными клыками?

– О, Господи!

Она поняла, с кем встретился Краузе.

А он встретился, и не был загрызен и съеден лишь благодаря феноменальному чутью. Или везению. Твари двигались по коридору бесшумно, почти подобрались, однако Честер ухитрился их услышать и вовремя развернулся, одновременно вскинув пистолет-пулемёт и передрнув затвор. И улыбнулся, увидев, что заставил трёх зверей остановиться там, где они были замечены – шагах в пятнадцати от шахты.

И вернулся к прежнему, спокойному, даже шутливому тону:

– Значит, это не инопланетяне.

– Мы называем их «волками».

– В принципе, определение удачное.

Звери, не шевелясь, играли с застывшим Краузе в «гляделки», и у него была возможность продолжить разговор.

– Извини, – нервно произнесла девушка. – Я проверяла, их не было на этом уровне.

– Видимо, явились, пока мы разговаривали.

– Ты можешь убежать?

– Они явно быстрее.

– Тогда что? – Она почти выкрикнула вопрос, показав, что очень, очень сильно беспокоится за Честера.

– Не волнуйся, они знают, для чего предназначен пистолет-пулемёт, а значит, я полностью контролирую ситуацию...

И в этот самый момент «волки» пошли в атаку.

Резко, дружно, показав, что обучены действовать в стае.

Тварь, что стояла по центру, пригнулась и бросилась вперёд. Знала, что идёт под пули, но всё равно пошла, привлекая к себе главное внимание вооружённого человека. Те, что стояли слева и справа, тоже побежали, но прижимаясь к стенам, «размазывая» линию огня. При этом бежали звери не прямо, а рывками, меняя направление, стараясь помешать стрелку как следует прицелиться. Они не только знали, для чего предназначен пистолет-пулемёт, но не боялись и умели идти на него.

Натиск тварей хоть и был ожидаем, получился очень быстрым, однако Краузе не просто подготовился к отпору, а придумал собственный план действий. Он открыл огонь одновременно с началом атаки, дал длинную очередь поперёк коридора, надеясь достать какого-нибудь зверя, но на месте не остался: подбежал к открытой шахте, прыгнул и ухватился руками за металлическую ферму. Нашёл ногами опору и быстро перебрался подальше от проёма. И очень вовремя: одна из тварей прыгнула следом, намереваясь вцепиться клыками в его ногу, и не промахнулась бы, не отойди Краузе в сторону. А так – врезалась в холодную металлическую ферму, взвыла и полетела вниз.

– Отлично, – прокомментировал её падение Честер, после чего развернулся и вновь поднял оружие.

Но другие «волки» проявили благоразумие: следом не прыгнули, а, увидев направленный на них ствол, спрятались, беспокоя Краузе исключительно рычанием.

– Как ты? – тихо спросила девушка.

– Всё хорошо, – очень спокойно ответил Честер. – Собираюсь спускаться.

– Как же я рада.

– Поверь, я искренне разделяю твои чувства.

– Но ты должен был лезть через другую шахту! – опомнилась девушка.

– Это проблема?

– Нет. Надеюсь, нет.

– В таком случае – до встречи. – Краузе закинул пистолет-пулемёт за спину, улыбнулся рычанию невидимых «волков» и стал неспешно спускаться по металлическим фермам, уходящим вниз на пятьсот с лишним метров.

25.12.2036

Мир давно научился видеть Аллана Райли энергичным и жизнерадостным, излучающим оптимизм, весёлым и чуточку насмешливым. Насмешливым с лёгким, едва ощутимым оттенком превосходства, но люди прощали Аллану этот оттенок, потому что искренне уважали: за то, что создал себя сам, пройдя путь от инженера до владельца огромной бизнес-империи; за то, что ухитрился реализовать детскую мечту о полётах в космос; за то, что «Vasoom Inc.» – принадлежащая Райли корпорация – стала тем буксиром, который заставил государства и частных инвесторов вкладываться в космос по-настоящему, в результате чего на орбите появилась гигантская «Надежда», а на Луне – база «Армстронг». Простые люди Аллана уважали, многие им гордились, небезосновательно считая, что именно его энергия однажды приведёт землян на планеты Солнечной системы, а может, даже дальше – к звёздам. Простые люди привыкли к тому, что Райли всегда собран, подтянут и абсолютно уверен в себе, а потому многие вздрогнули, увидев на экране совсем другого Аллана. Спокойного, но не расслабленного, уверенного... нет, скорее – верящего в себя, увидели человека, готового приложить все силы для свершения задуманного, но не желающего раньше времени обещать, что результат будет достигнут. Знающего, что для достижения цели придётся много и тяжело работать.

А ещё Райли выглядел уставшим. Но все, кто смотрел трансляцию – то есть почти все жители Земли, – прекрасно понимали, почему видят небритого, осунувшегося Аллана, а не знакомого по профессионально выверенным съёмкам лощёного красавчика в идеальном костюме: потому что красавчик провёл трое суток в противоперегрузочном кресле, а затем штурмовал инопланетный корабль, побывал под огнём и чудом остался в живых. Пережитые приключения изрядно вымотали директора «Vasoom Inc.». Однако голос его был если и не весел, то привычно твёрд.

– Я хочу сказать, что у меня ещё не было такого Рождества: трудного, опасного и кровавого. Я знал, что лёгкой прогулки не предвидится, но не ожидал, что экспедиция окажется настолько сложной. Я потерял спутников, многие из которых были моими друзьями. Но я потерял не просто друзей, а тех, кто мне доверился, решил рискнуть и согласился отправиться в опаснейшую экспедицию. Для меня было честью, что они отправились со мной, и их смерть стала для меня большим личным горем. Да, они знали, что рискуют, но для меня это не важно. Для меня важно только то, что их больше нет, и я скорблю вместе со всеми родственниками моих павших товарищей, со всеми их друзьями. И со всеми нами. Мы потеряли отличных людей, но я даю слово, что их смерть не будет напрасной. Мы долетели. Мы на корабле пришельцев. И мы обязательно сделаем то, ради чего сюда стремились.

Райли сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Небритый. В обычном комбинезоне космического пилота. Левая щека испачкана чем-то чёрным. На левой стороне шеи – небрежно, в спешке наложенный пластырь, скрывающий порез. Чуть ниже пластыря – следы засохшей крови, их видно, потому что ворот комбинезона расстегнут. Волосы в беспорядке. Глаза красные. Но голос твёрдый, привычно твёрдый.

– А сейчас я хочу обратиться к родителям детей. – Короткая пауза. – Я обещал, что доберусь до инопланетного корабля – и я добрался. Я обещал, что верну наших детей домой, на Землю, и я сделаю для этого всё возможное. А если потребуется – чуть больше возможного. Да, VasoomA повреждён, однако я уверен, что мы сможем его починить и добраться до дома. Да, мы далеко от родной планеты, но нас поддержат: в штабе Космических сил разработан детальный план перелёта, гарантирующий возвращение VasoomA на Землю. Я верну детей домой. Я дал слово – и я его сдержу. – Райли улыбнулся и машинально прикоснулся к ране на шее. Даже не прикоснулся – поднял руку, чтобы коснуться пальцами, словно порез заболел, и тут же вернул руку вниз. – С Рождеством, Земля. Скоро увидимся.

...

Reuters: «Фразу «Скоро увидимся!» Аллан Райли произнёс очень громко и очень уверенно. Произнёс так, что не поверить в его слова попросту невозможно. Однако после окончания трансляции, когда знаменитая «магия Райли» перестала гипнотически действовать на слушателей, у нас появились вопросы. И первый из них, разумеется, звучит так: в каком состоянии VascootA? Аллан сказал, что клипер повреждён, но насколько сильно?»

CNN: «Мы считаем, что во время выступления директора «Vascoot Inc.» не услышали ровным счётом ничего из того, что должны были услышать. Миссия удалась или провалилась? Почему Аллан Райли не договорился с инопланетянами? По какому праву этот белый мужлан стал посланником Земли на столь важных переговорах? Ведь все понимали, что впитанное с детства превосходство помешает ему договориться! Возможно, инопланетяне отказались сотрудничать с нами именно потому, что их возмутил белый шовинизм Райли...»

RBC: «Выступление Аллана Райли вам тоже показалось вымученным?»

CBS: «Инопланетяне враждебны? Наш эксперт уверяет, что прибывший в Солнечную систему корабль является новейшим боевым крейсером сириусян, которые в настоящий момент ведут напряжённую войну с карнапульской династией Эц-Ками за контроль над галактическим сектором цызов. По мнению знаменитого эксперта-уфолога Жозефа Жопанды, профессора кафедры вакандистики частного университета Солт-Лейк-Сити, амбициозные планы империи Сириуса требуют...»

ABC News: «Скучные сообщения приводят к тому, что мы вынуждены додумывать и даже фантазировать о том, что же в действительности произошло при встрече VascootA с инопланетным кораблём. Случилось ли боевое столкновение? И если да, то каким образом нашим удалось победить? Ведь Райли жив и находится на корабле, что, без сомнения, можно назвать победой, пусть и промежуточной. Но как мы её добились? Каким чудом нам удалось прорвать оборону пришельцев? Всё ли в порядке с детьми? Власти уверяют, что да, однако...»

Euronews: «Адонго Харуна, директорка Европейского космического агентства, собрала экстренную пресс-конференцию, на которой заявила, что не верит в пришествие инопланетян и считает их выдумкой Космических сил, пытающихся скрыть от общественности правду. Какую именно правду скрывают Космические силы, директорка Харуна не рассказала, но обвинила собравшихся репортёров в предвзятости...»

FOX News: «Мы услышали всё, что сказал Райли, услышали каждое слово и увидели, с каким трудом далось Аллану это короткое, но такое важное выступление. Он устал. Он рискует жизнью. Он в миллионах миль от Земли, его клипер требует ремонта, и Райли не знает, сумеет ли вернуться. Но он принял решение отправиться в экспедицию ради ребят, которых поклялся спасти, и ради нас, которым хочет привезти новые знания. Поэтому не будем критиковать Аллана за очень короткое и неинформативное

выступление, а просто пожелаем ему и всем, кто находится рядом с ним, удачи...»

...

Размеры ангара поражали воображение.

Нет, сам по себе он не вызывал пиетета: большая площадь, высокие потолки, обеспечивающие колоссальную вместительность... Таких ангаров на Земле было достаточно, крупные торговые компании владели складами и побольше. Но тот факт, что подобное сооружение оказалось в космосе и располагалось внутри инопланетного космического корабля, вызывал уважение. И лёгкую растерянность. Поскольку наглядно демонстрировал колоссальные размеры корабля. Похожие ощущения возникали при посещении готических соборов: снаружи они кажутся большими, но большими *обыкновенно*, ведь все мы видели бетонные горы многоэтажных многоквартирных домов, и заходя в собор, подсознательно готовимся увидеть привычный холл, потолки в три-четыре метра, а то и вовсе квартиры-капсулы. А войдя, оказываемся в гигантском пространстве, в котором крыша исчезает в небе, а стены растворяются в дали. Мы понимаем, что находимся в помещении, но его грандиозность обращается в бесконечность, заставляя ощущать себя песчинками.

Маленькими, затерянными в бесконечности космоса песчинками.

Мыслящими, чувствующими и пока живыми.

Песчинками.

Ангар, в который инопланетяне поместили неожиданных гостей, был настолько огромен, что лежащий в нём «Чайковский» совершенно терялся, не производя особенного впечатления. А ведь «Чайковский» был одним из самых больших лунных клиперов Космических сил: сто пятьдесят метров в длину и двенадцать в высоту, с выступающей впереди кабиной и большими дюзами сзади... Но потерялся, превратившись в небольшой барьер, делящий гигантское помещение на две неравные части. «Чайковский» казался мёртвым – из-за смятого носа и рваной раны на «спине», которая появилась, когда инопланетяне в спешке втаскивали клипер внутрь, но впечатление было обманчивым: Павел Вагнер, единственный оставшийся в живых член экипажа, сумел запустить реактор и компьютерную систему корабля, обеспечив выживших электричеством и связью с Землёй.

Поскольку кабина во время столкновения была разбита вдребезги, управление наладили из расположенного в трюме Терминала 2.0, и именно вокруг него расположились трое мужчин, взявших на себя ответственность за происходящее. Трое мужчин, которым предстояло решить, что делать дальше.

– Когда подключится Земля? – негромко спросил Райли, разглядывая запачканные кровью штаны. И его кровью, и тех, кто был с ним. Засохшей кровью.

– Пока непонятно, – ответил капитан Линкольн.

– Почему?

– Иногда связь пропадает. Мы успели переслать твою запись, после чего соединение прервалось.

– Но связь всегда возвращалась? – уточнил Аллан.

– Всегда.

– Хорошо.

– Согласен.

Капитан Исаяя Линкольн, ветеран Космического флота, афроамериканец сорока пяти лет, летел на Луну, чтобы возглавить базу «Армстронг». На «Чайковском» он числился обычным пассажиром, носил соответствующий – оливкового цвета – комбинезон, однако после

катастрофы оказался старшим по званию офицером, принял на себя командование и не позволил напуганным и растерянными спутникам наломать дров.

Райли об этом знал и не собирался покушаться на власть Линкольна, сразу дав понять капитану, что до тех пор, пока они остаются на борту инопланетного корабля, слово Линкольна останется решающим.

Третьим участником совещания был майор Стефан Коллинз, командир прибывшей с Райли боевой группы. В столкновении с инопланетянами военным не повезло – Коллинз потерял людей, – однако смерти товарищей не повлияли на боевой дух офицера, и во время разговора Коллинз оставался спокойным и хладнокровным.

С ним Линкольн держался чуть отстраненно, как с подчиненным, пусть и не со своим. А вот с Райли – тепло и свободно, обходясь без демонстрации подобострастного обожания, как старый друг, каковым он для Аллана и являлся.

– Теперь ты поделишься своими впечатлениями от прибытия? – Капитан выдержал короткую паузу и уточнил: – Настоящими впечатлениями.

Так получилось, что время для спокойного, обстоятельного разговора у них нашлось только сейчас. При встрече поздоровались, обнялись, но тут же перешли к насущным делам, не отвлекаясь на обмен мнениями. Однако высказаться хотелось, и Райли, несмотря на усталость, охотно поддержал разговор:

– Настоящие впечатления дрянные, дружище. Тяжело... – Аллан прикоснулся к груди. Не к ране на шее, а к груди, к сердцу. – Вот здесь тяжело осознавать, что я привёл ребят на смерть.

– Мы знали, на что шли, – ровным голосом произнёс майор.

– Это слова, Стефан.

– Это реальность, сэр, – не согласился военный. – Мы – военные, мы понимаем, что нас зовут не для того, чтобы вытереть детям соплю или помочь донести чемоданы. Мы едем сражаться и всегда готовы рисковать.

– Хорошо, ты и твои ребята понимали угрозу, – сдался Райли. – А учёные?

– Вы честно объяснили им, что риск велик.

– Но они могли не понять.

– Это уже не ваше дело, сэр. Вы были с ними честны.

– Да, я был честен, – вздохнул Аллан. – Но какое это имеет значение, если они погибли? Даже сейчас, несмотря на то, что после боя прошло несколько часов, директор «Vasoom Inc.» продолжал испытывать боль по убитым спутникам и острое, очень острое чувство вины.

– И ведь это был не бой, а избиение. Пулемёты лупили прямо через корпус VasoomA. Пули пробивали обшивку и находили укрывшихся людей... с жуткой, очень страшной точностью. Бронежилеты, каски – ничего не помогало, нас просто расстреливали.

Райли тяжело вздохнул и закусил губу. И нервно провёл рукой по штанине, по бурным пятнам, возможно, вспоминая того, чья кровь брызнула на его комбинезон.

– А мы не могли ответить...

– Мы стреляли в ответ, – добавил Коллинз. – Стреляли, но не могли никого убить, потому что по нам вели огонь из автоматического, дистанционно управляемого оружия. Всё, на что мы могли надеяться – это вывести пулемёты противника из строя, но у нас не получилось. Нас убивали до тех пор, пока не легла компьютерная сеть.

– В нашем ангаре наверняка тоже установлены пулемёты, – обронил капитан.

– Наверняка, – кивнул Райли.

– Думаю, это их штатное защитное оборудование, – добавил Коллинз.

И все они, не сговариваясь, подумали о том, что после восстановления компьютерной системы инопланетного корабля пулемёты могут быть направлены против них. Они не испугались. Они просто об этом подумали.

– Если система продолжит считать нас угрозой, – вслух продолжил мысль Райли.

– Если, – согласился Линкольн.

– Инопланетяне знают, что мы – военные, и уже было столкновение, – произнёс Коллинз. – Мы против них бессильны, но мы – военные, а значит, самим фактом присутствия представляем для них угрозу.

– То есть нас обязательно атакуют?

– Нас, – уточнил Коллинз, глядя Линкольну в глаза. – Уверен, система точно знает, кто прибыл на VascoonA, и видит угрозу исключительно в нас.

– Систему обрушили мы, – напомнил капитан. – Мы теперь тоже угроза.

– Не все вы, – усмехнулся военный. – Но инопланетяне наверняка знают, кто именно из вас положил сеть.

– И откроют точечную охоту?

Майор развёл руками, показывая, что не готов предполагать, как поведёт себя восстановившийся компьютер инопланетян. Но не удержавшись, добавил:

– Или прикончат всех.

– За что?

– За то, что мы теперь знаем, что они уязвимы, и то, как именно они уязвимы. Мы перестали быть безобидными туземцами с отсталой планеты и перешли в разряд противников. А с противником, особенно с тем, который знает, как нанести тебе неприемлемый урон, разговор должен быть коротким.

– Это у вас, у военных.

– А мы что, на круизном лайнере?

Линкольн вздрогнул, но промолчал, мысленно согласившись с тем, что ангары круизного или пассажирского судна вряд ли будут защищены автоматическим оружием.

Вновь возникла пауза, однако Райли не позволил ей затянуться:

– Вы так говорите, будто твёрдо уверены в том, что компьютерная система корабля восстановится.

– А разве нет? – поднял брови Коллинз.

– А почему «да»? – вопросом на вопрос ответил Райли.

– Потому что корабль продолжает движение, а перебои со светом и водой закончились.

– Все двери нараспашку, а роботы-уборщики в коме, – парировал Аллан. – Возможно, системы жизнеобеспечения перешли на собственный контур управления, не зависящий от основного компьютера. Это логично.

– Это логично в любом случае, – подал голос Линкольн. – Восстановится основной компьютер или нет – не имеет значения, системы жизнеобеспечения должны работать.

– Всё-таки считаешь, что они восстановятся? – быстро спросил Райли.

– Я был бы очень рад поверить в нашу мощь, но вынужден трезво смотреть на вещи, – вздохнул капитан. – Мы находимся на корабле высокоразвитой цивилизации и очень мало понимаем в его устройстве. Мы ухитрились подкрасться и проколоть «Ламборгини» колёса, временно выведя машину из строя, но и только: инопланетяне обязательно опомнятся, заклеят колёса, и их «Ламборгини» поедет дальше.

– «Ламборгини»? – удивился Аллан.

– Мы использовали эту метафору в разговоре с Сандрой Жарр, – объяснил Линкольн. – Их компьютерная система по сравнению с нашей – это как «Ламборгини» по сравнению с «Форд-Т». Мы сумели проколоть им шины, потому что знаем, где они находятся и как с ними справиться, но понятия не имеем, как разрушить автомобиль или взять его под контроль.

– Водитель «Форда-Т» смог бы управлять «Ламборгини», – не согласился Райли. – Ему известен принцип.

– Но потребуется дополнительное обучение.

– У вас было время, – улыбнулся Аллан.

– Во-первых, не так много, – ответил капитан. – Во-вторых, моих программистов никто не учил, они самостоятельно пытались разобраться в том, как это работает.

– Разобрались?

– Сумели проколоть шины.

– Прямо скажем: достижение не самое большое.

Несколько мгновений Линкольн смотрел Аллану в глаза, после чего негромко, но очень твёрдо сказал:

– Благодаря этому достижению ты до сих пор жив.

И отвернулся, не желая смотреть, как с лица Райли сползает лёгкая улыбка.

– Я не ставлю под сомнение достижения и заслуги твоих ребят, – поспешил уточнить директор «Vacoorn Inc.». – Вы провели колоссальную работу, и да – вы нас спасли. Но поскольку мы уверены, что компьютерная система корабля восстановится, нужно обсудить дальнейшие действия и незамедлительно к ним приступить.

Аллан ждал, что Линкольн поинтересуется, что за действия он планирует, однако капитан спросил о другом:

– Ты не хочешь пригласить на совещание тех, с кем я работал последние дни?

– Зачем? – Райли удивлённо поднял брови. И тем дал понять, что не видит смысла развивать тему. Но намёк не был услышан.

– Оказавшись здесь, мы довольно долго притирались друг к другу и искали компромиссы, – объяснил Линкольн.

– Компромиссы с детьми? – уточнил Коллинз.

– Это молодые люди, Аллан, многие из которых уже сумели чего-то добиться.

– Ах да, у них богатые родители...

– Не у всех, – ответил Линкольн и так посмотрел на майора, что Райли поспешил вступить в разговор:

– Стефан, пожалуйста, дай капитану высказаться.

– Да, сэр, – опомнился военный. – Извините, сэр.

– Спасибо. – Линкольн выдержал короткую, но весьма многозначительную паузу. – Так вот, мы привыкли решать вопросы сообща.

– Я тебя не узнаю, Исая, – негромко произнёс директор «Vacoorn Inc.», намекая на то, что Линкольн всегда славился как умный, справедливый, но жёсткий офицер, требующий от подчинённых чётко придерживаться субординации. Власть не была для капитана фетишем или самоцелью, но он понимал её значение и никому не позволял на неё покушаться.

– Так было нужно, Аллан, – пожал плечами Линкольн. – В противном случае здесь могло начаться чёрт знает что.

– Вот именно: так было нужно. – Райли улыбнулся. – Но теперь всё изменилось.

– Ничего не изменилось. Мы по-прежнему здесь и по-прежнему не знаем, сможем ли вернуться.

– С этой точки зрения – да.

– Есть другая?

– Их две, Исая, и одна – перед тобой.

Несколько секунд капитан непонимающе таращился на Райли, после чего сообразил:

– Ну, да, ты здесь.

– Не просто здесь, – мягко перебил его директор «Vacoorn Inc.». – Я сказал, что до корабля можно добраться, и сдержал слово. Все это увидели. Я пообещал вернуть детей на Землю, и сейчас все верят, что это возможно. Это первое, что изменилось, Исая: дети, да и ты тоже, перестали чувствовать оторванность от Земли. Вы снова стали частью общества.

– А в нашем обществе многие решения принимаются в узком кругу, – закончил за Райли капитан.

– Важные решения, – уточнил директор «Vasoom Inc.». – Повседневную ерунду можно по-прежнему выносить на всеобщее обсуждение.

Коллинз хмыкнул.

Линкольн чуть склонил голову:

– Я понял: возвращаемся в циничный мир.

– Добро пожаловать домой, Исая, – пошутил Райли.

– До дома ещё далеко, Аллан.

– Об этом я и хочу поговорить. – Райли помолчал. – Раз мы твёрдо убеждены в том, что компьютерная система инопланетян восстановится, – нужно спешить. Мы обязаны тщательно исследовать корабль, пока он открыт и... беззащитен перед нами.

– Хочешь отправиться вглубь? – прищурился Линкольн.

– Как можно скорее, – не стал отрицать Райли. – Короткий отдых, сборы – и в путь.

– И как далеко ты намерен зайти?

– Как получится.

– Какова цель?

– Соберём информацию, образцы техники, которые можно будет забрать с собой... – Райли усмехнулся: – Сидя в ангаре, ничего полезного не получишь.

– Это я понимаю, – кивнул капитан.

– При удаче отыщем центр управления.

– И что ты с ним будешь делать? – заинтересовался Линкольн.

– Попробую в нём поковыряться, – рассмеялся в ответ Райли.

– Не боишься расковырять что-нибудь опасное?

– Гораздо больше я боюсь сидеть тут и ждать, когда компьютерная система восстановится. – Директор «Vasoom Inc.» стал очень серьёзным. – Точнее, ждать того, что она решит с нами сделать. Не собираюсь доверять чужакам свою судьбу.

– Хочешь сам её определять?

– Всегда так делал.

– Да, ты всегда делал именно так, – после короткой паузы признал капитан. – И всегда предпочитал действовать, а не ждать.

– Именно.

– А что делать мне?

– Сосредоточиться на ремонте клипера. Нам ещё нужно отсюда убраться.

– Мы сосредоточимся, – пообещал Линкольн.

– А ещё мы не можем допустить расползания по кораблю детей.

– Я заметил, ты приказал выставить у ворот охрану?

– Это в их интересах.

– Они так не думают.

– Разумеется.

Двери, в том числе скрытые, о существовании которых пассажиры «Чайковского» и не подозревали, распахнулись после выхода из строя корабельной компьютерной системы. Сначала это обстоятельство не вызвало особого интереса – все были слишком напуганы, однако успокоившись, ребята стали проявлять интерес к открывшемуся проходу во внутренние отсеки корабля, что и побудило Райли выставить у ворот в коридор охрану.

– Как я уже сказал, мы привыкли выносить важные вопросы на всеобщее обсуждение.

– Всё равно решение принимал ты.

– Но мы обсуждали происходящее.

– Хочешь устроить общее собрание?

- Обязательно.
- Я не против.
- Тогда готовь выступление.
- Но решение мы с тобой примем здесь и сейчас.
- А разве мы ещё ничего не решили? – притворно удивился Линкольн.
- Старый проходимец, – расхохотался Райли. – И для чего ты выносишь мне мозг столько времени?
- Для того чтобы ты понял, а главное – принял существующие здесь правила игры, – ответил капитан. – Я не хочу портить с ребятами отношения. И вовсе не потому, что некоторые из них – дети очень влиятельных родителей. А потому что они – молодцы. Действительно молодцы. Они прекрасно проявили себя за эти дни, и я... Я их уважаю, Аллан.
- Ладно, принято, что ещё?
- А ещё тебе придётся взять с собой кого-нибудь из них.
- Ты шутишь?
- Без вариантов, – покачал головой Линкольн.
- Если они погибнут, у нас будут проблемы с их родителями.
- Если мы вернёмся на Землю с инопланетным кораблём, нас никто ни о чём не будет спрашивать. А если ты не возьмёшь с собой представителей детей – они разбегутся сами, и охрана их не удержит.
- Не удержит? – скептически осведомился Коллинз.
- Солдаты будут стрелять на поражение? – поднял брови капитан.
- Нет. Конечно, нет.
- Вот и ответ.
- Райли и Коллинз переглянулись.
- А если я возьму с собой пару малолеток, другие не разбегутся?
- Нет, – убеждённо ответил Линкольн.
- Почему?
- Потому что мы так договоримся. А они хорошие ребята и умеют держать слово.
- Понятно. – Райли вздохнул. – Тогда говори, кого имеет смысл взять.

...

Свет перестал моргать.

Сразу после аварии, после того, как Конфетка вырубил компьютерную систему инопланетного корабля, свет ненадолго погас, а затем принялся моргать, расшатывая и без того напряжённые нервы пассажиров «Чайковского». Прерывистое моргание стало отчётливым и очень зримым признаком катастрофы, нарушившей не очень приятный, но установленный и ставший привычным порядок. А ещё – отчётливым признаком того, что спасательная миссия сорвалась и что будет дальше – непонятно.

Моргающий свет стал признаком поглотившей их неизвестности, и многие не выдержали: кто-то закричал; кто-то заплакал; кто-то закрыл глаза и сжался в комочек, молясь или же не думая ни о чём. И всех, точнее, многих, продолжало потряхивать после того, как свет снова погас – секунд на тридцать, – а затем стал работать в прежнем режиме.

Убедившись, что нервное моргание прекратилось, многие решили, что всё вернулось на круги своя, но ошиблись: вернулось частично. Свет перестал моргать, роботы-уборщики, взбесившиеся во время аварии, выстроились в колонну и организованно уехали в свой закуток, в уборных возобновилась подача воды, однако ворота в коридор и дверцы грузового лифта, через шахту которого на их уровень поднялся Райли, оставались распахнутыми. Кто-то предложил «пойти прогуляться», но сначала, находясь под впечатлением от последних событий,

предложение сочли глупой шуткой, а потом у ворот и лифта появились охранники из числа прибывших с директором «Vasoom Inc.» солдат, и призыв потерял актуальность.

До сегодняшнего дня ребят держали взаперти инопланетяне, теперь – спасатели.

– Кажется, мы здесь застряли, – вздохнул Вагнер, бросив очередной взгляд на перекрытые ворота.

– Раньше у тебя были сомнения? – прищурилась Тельма.

– Раньше у меня была надежда.

– А теперь?

– Теперь мне придётся чинить VasoomA – с неизвестными шансами на успех, а потом придумывать, как вытолкнуть его в космос.

– Тебе придётся чинить?

– Ну, не тебе же, – огрызнулся Вагнер.

Павел Вагнер был кадетом, на борту «Чайковского» набирался опыта, выполняя массу обязанностей, начиная от помощи пассажирам и заканчивая ответственностью за груз, и как любой слушатель Академии, прекрасно разбирался в устройстве клиперов – люди с узкой специализацией, не владеющие навыками в других профессиях, в космос не допускались. Поэтому отремонтировать повреждённый VasoomA действительно предстояло ему, а не биологу Тельме, которая летела по контракту на базу «Армстронг».

– Интересно, как ты его вытолкаешь?

– Я ведь сказал: придумаю.

– Давайте не будем ссориться? – попросила Наоми Амар, личная помощница Аллана Райли, сопровождавшая победителей «Фантастического Рождества» в путешествии на Луну. – Все на взводе и готовы устроить скандал, но это не то, что нам сейчас нужно.

– А что нам сейчас нужно? – поинтересовалась Тельма.

– Демонстрировать спокойствие и уверенность.

– И где их взять?

– Попробуй поискать в себе, – предложил Вагнер.

– Павел? – подняла брови Наоми.

Кадет отвернулся.

– Давайте просто согласимся, что мы чувствуем себя немного странно, и на этом успокоимся? – предложил доктор Нуцци. – А в нашем положении странность ощущений вполне естественна. И очевидна.

И он был прав.

С момента катастрофы и до сегодняшнего дня все они – взрослые – стали членами команды капитана Линкольна, но не только исполняли его распоряжения, но и принимали активное участие в их планировании. В условиях чрезвычайных обстоятельств Линкольн часто проводил совещания, во время которых всегда учитывал мнение большинства. Однако сейчас он заперся в «Чайковском» вместе с Райли и Коллинзом, и не было никаких сомнений в том, что, выйдя из клипера, они просто-напросто озвучат принятое решение. В приказном тоне.

Это смущало.

С другой стороны, все догадывались, что однажды это должно было случиться: что они вернуться на своё место, в то положение, которое занимали до аварии, поэтому упомянутую доктором Нуцци «странность» переживали хоть и болезненно, но без ярости, злости или обиды. А вот Чарльз Фрейзер Пятый и Арнольд Хиллари, двое наиболее авторитетных молодых ребят из числа участников «Фантастического Рождества», чувствовали себя глупо. Именно глупо. Они присоединились к взрослым, показав остальным, что ставят себя выше их, но теперь потеряли право голоса в новом сообществе и всё чаще ловили на себе косые взгляды старых друзей. Пренебрежение Линкольна нанесло по их позициям сильный удар.

– Почему нас не позвали?

– И не позовут, – ответила Тельма.

– Почему? – повторил Арнольд.

– Потому что теперь у капитана есть гораздо более важный собеседник – мистер Аллан Райли, – объяснила Наоми.

– И чем же он важнее нас?

– Тем, что мистер Аллан Райли – владелец и директор «Vasoom Inc.», а капитан Линкольн – его служащий.

Наоми держалась прекрасно, однако тоже чувствовала себя не в своей тарелке. Она была верным сотрудником, последовательно и неуклонно отстаивавшим интересы босса; больше всех обрадовалась его появлению; написала для Аллана речь; а её не позвали на совещание даже в качестве секретаря. И это при том, что вместе с руководителями в «Чайковском» заперся солдафон Коллинз.

– Но Райли не знает всех обстоятельств.

– Мистер Райли всё время находился на связи, принимал участие во всех мало-мальски важных совещаниях и прекрасно осведомлён о том, что у нас происходило. А детали капитан ему расскажет.

– Вы его защищаете? – угрюмо спросил Арнольд.

– Такова моя работа, мистер Хиллари, – вздохнула Наоми. – Я тоже не в восторге от того, что сижу здесь и ожидаю распоряжений вместо того, чтобы их разрабатывать, но такова жизнь.

– Рано или поздно это должно было случиться, – добавил доктор.

– Случиться что?

– Мы – сотрудники, наше дело – выполнять приказы.

– Я – не сотрудник, понятно?! – Арнольд сверкнул глазами, однако впечатления не произвёл.

Нуцци с лёгким удивлением посмотрел на покрасневшего здоровяка и предложил:

– Прекрасно, мистер Хиллари, немедленно отправляйтесь к капитану и сообщите ему об этом. А передо мной демонстрировать мужественность не стоит – мне на неё наплевать.

– Что?

– То, что слышали, мистер Хиллари. Вам повторить?

– Проблема – в завышенных ожиданиях, – подал голос Вагнер. – В нашей маленькой коммуне произошла смена руководства, и мы возвращаемся туда, где должны быть: я – чинить клипер, док – лечить людей. Ну а вам тоже найдут какое-нибудь занятие.

– Разве это правильно? – спросил молчавший до сих пор Фрейзер. – Что хорошего в том, что решения будут принимать два человека?

– Мистер Райли привёз с собой солдат, а значит, капитан больше не нуждается в коллегиальной системе управления.

– Они что, установят военную диктатуру?

– Скорее, военный порядок.

– И вам всё равно?

– Если я буду с чем-то не согласен, я выскажусь, – твёрдо пообещал доктор.

– Если вам позволят.

– Уверен, что-то, а высказаться мне точно позволят, – рассмеялся Нуцци.

– Так выскажитесь!

– Против чего? – удивился доктор. – Они ещё ничего не придумали и не предложили.

Нужно подождать...

– Подождать чего?! – перебил доктора Арнольд.

Несколько мгновений Нуцци молчал, по очереди разглядывая недовольных парней, после чего покачал головой:

– Несмотря на то что в нашей маленькой коммуне, как выразился Павел, произошла смена руководства, принципиально ничего не поменялось: мы по-прежнему на инопланетном корабле и летим неизвестно куда. Нам нужно отсюда выбраться – тем или иным способом. А чтобы выбраться, мы должны быть лояльны друг к другу и к людям, которые нами командуют.

– Вы сами себе противоречите, док, – хмыкнул Арнольд. – Зачем им наша лояльность, если у них есть военные?

– Военные нужны на крайний случай, мистер Хиллари, – спокойно ответил Нуцци.

– На какой?

– Если вследствие непродуманных решений возникнет внутренняя напряжённость, которая выльется в беспорядки. Но я уверен, что мистер Райли, будучи опытным управленцем, сделает всё, чтобы взрыва не произошло. Он предпочитает принимать продуманные решения.

– А военные...

– Военные обеспечат быстрое исполнение продуманных решений. И пресекут неразумные действия.

– Например? – поинтересовался Пятый.

– Например, расползание пассажиров по инопланетному кораблю.

– Но ведь всем интересно, что находится за пределами ангара!

– Вот об этом я и говорю, мистер Фрейзер.

– Мне не нравится, что нас заперли! – добавил Арнольд.

Доктор несколько секунд смотрел на здоровяка, после чего кивнул и с лёгкой, едва заметной улыбкой повторил:

– И об этом я говорю тоже, мистер Хиллари.

Наоми отвернулась, скрывая широкую, а не лёгкую, как у Нуцци, улыбку, а Вагнер – с той же целью – опустил голову. Тельма осталась безучастной.

– Полагаю, мистер Райли планирует заняться изучением инопланетного корабля, – закончил Нуцци.

– Со своими людьми, – уточнил Пятый.

– Я не знаю.

– А я – догадываюсь.

– Я не могу оспаривать догадки, мистер Фрейзер.

– Так вы – лоялист, доктор Нуцци, – протянул Арнольд. – Не ожидал, если честно.

– Очень странно, что вы этого не ожидали, мистер Хиллари, – ровно ответил доктор. – Во-первых, я – служащий «Vasoom Inc.», и мистер Райли является для меня таким же начальником, как для капитана Линкольна, Наоми, Тельмы и всех, за исключением кадета Вагнера, который добровольно подчинился старшему по званию Линкольну, но не обязан выполнять распоряжения Райли. Во-вторых, я очень хочу домой, а для этого нужно плыть в одной лодке и грести в одну сторону.

– Под командованием Райли?

– Да, мистер Хиллари, под командованием мистера Райли и капитана Линкольна.

– У вас на всё есть ответ, доктор, – буркнул Пятый.

– Это результат вдумчивого анализа происходящего, мистер Фрейзер.

Вагнер снова усмехнулся.

– Я думал, вы другой.

– Нет, я старый.

– Хотите сказать, что наше поведение – признак молодости?

– Признак отсутствия опыта, мистер Фрейзер.

– Опыт в том, чтобы подчиняться? – удивился Пятый.

– Опыт в том, чтобы сохранять хладнокровие и выбирать путь, наиболее подходящий для достижения намеченной цели.

– А ваша цель...

– Вернуться домой, мистер Фрейзер, я только что об этом сказал, и с тех пор ничего не изменилось. А для того чтобы вернуться домой, мы должны действовать сообща. Вы же обиделись на то, что вас не позвали на совещание, и готовитесь сотворить здесь небольшую революцию.

– Я... нет, док, совсем нет. – Пятый сбился. – Просто...

– Мы привыкли к тому, что наше мнение имеет значение, – хмуро поддержал товарища Арнольд.

– Я уверен, что капитан Линкольн донесёт эту мысль до мистера Райли, – твёрдо произнёс Нуцци. – Но в свою очередь хочу заметить, что вам следует укрепить позиции среди друзей.

– Иначе ребята снова потянутся к Баррингтон? – догадался Фрейзер.

– Уверен, что потянутся. – И доктор Нуцци посмотрел на девушку, сидящую возле пребывающего в коме брата.

...

Состояние Артура не менялось.

После первого, самого кошмарного, жуткого приступа, едва не сведшего Анну с ума и вызванного, как понимала девушка, разработанным Сандрой вирусом, Артур затих и с тех пор не шевелился. Худенький. Бледный. Очень похожий на мертвеца. Младший Баррингтон едва дышал, а Анна... Анна давно перестала рыдать в голос, кричать, выплёскивая охватившее её горе. Теперь молчала. Безучастно сидела, прислонившись спиной к стене, и очень редко отрывала взгляд от брата. Иногда плакала, беззвучно, даже без слёз, но рыдать перестала. Она не прятала горе – она им стала. И совсем редко, даже не всякий раз, когда слышала её голос, поворачивалась и смотрела на Сандру. В глубине души Анна понимала, что Конфетка не хотела причинить вред брату, что разработанный ею вирус был направлен против компьютерной системы инопланетян и ударил по Артуру только потому, что младший Баррингтон оставался подключён к системе. Понимала. Но ничего не могла с собой поделать – видела в Конфетке врага. Не кривилась в её сторону, не подбегала с бессмысленной руганью.

Но видела в ней врага.

А Сандра, в свою очередь, прекрасно поняла, какие чувства испытывает к ней Анна, и не приближалась. Попросила Баджи перенести их вещи и спальные мешки подальше от Баррингтонов и старалась не смотреть в их сторону. Попросила, но ничего не объяснила, сказала, что «не может сейчас рассказывать», оставив подругу мучиться в неведении. Как и всех остальных пассажиров «Чайковского», которые знали только то, что Артур и Сандра работали против инопланетной компьютерной системы, потом Конфетка её вырубил, а младший Баррингтон впал в кому. Но как это произошло, осталось загадкой: кто знал – молчал, остальные фантазировали.

Поведение Сандры не осталось незамеченным и породило новую волну слухов, но прежде, чем глупые фантазии превратили Баррингтонов в отверженных, освободившееся рядом с ними место заняли Октавия и Август. Демонстративно заняли, показав всем, что ссора с Сандрой – не более чем личное дело и не выводит брата и сестру из общества.

Намёк поняли все.

А следующий удар по попытке выстроить невидимую стену отчуждения нанесла Диккенс. Выбрав момент, когда Октавия и Август ушли по делам – чтобы никто не подумал, что она явилась к ним, – художница подошла к Анне, уселась рядом и кивнула на Артура:

– Как он?

– Без изменений.

– Понятно. – Диккенс вздохнула и неожиданно спросила: – Ты спала?

Нет, в самом вопросе не было ничего неожиданного, но участливый тон обычно колючей художницы заставил Анну улыбнуться и покачать головой:

– Не уверена. Во всяком случае, не старалась заснуть специально, но, может, меня вырубало.

– Вырубало, я видела, – подтвердила Диккенс. – Но не сразу поняла, что ты отключаешься. Посмотрела на тебя – ты сидишь, потом снова посмотрела – сидишь, вроде так же, но голова под другим углом. А потом снова как обычно.

– Может быть, – не стала спорить Анна. – Но специально не хочу... не могу...

– Но надо.

– Наверное, надо, да. – Баррингтон вновь перевела взгляд на брата. – Я в какой-то момент почувствовала, что нужно отдохнуть, прилегла даже, но не получается. Даже заставить себя пыталась, но не получается.

– А если я скажу, что посижу с Артуром?

– Спасибо.

– Спасибо потом скажешь, – продолжила напирать Диккенс. – Ты ответ дай.

В её голосе вновь появились привычные жёсткие нотки, но именно нотки – художница стала требовательной для того, чтобы Баррингтон приняла её предложение.

– Я... я могу попробовать. Но не уверена, что сумею.

– Ты скажи себе, что Артур под присмотром, и это тебя успокоит. Уверена, что успокоит.

Несколько мгновений Анна размышляла над предложением подруги, поймала себя на мысли, что испытывает огромную благодарность за проявленную заботу, и тихо сказала:

– Я обещаю, но можно чуть позже? Хочу ещё немножко посидеть рядом с ним.

– Договорились, – кивнула Диккенс. – Но немножко.

– Хочу видеть, как он очнётся.

– Он обязательно очнётся.

Несколько мгновений Анна молчала, затем перевела взгляд на художницу, посмотрела в тёмные глаза самбо¹ и тихо сказала:

– Спасибо.

Вместо ответа Диккенс сжала руку Анны, выдержала короткую паузу и в тон ей, так же негромко, спросила:

– Ты ведь знаешь, что я умею рисовать не только на стенах?

Это была шутка. Диккенс умела рисовать чем угодно и на чём угодно, и рисовать блестяще. Оказавшись на инопланетном корабле с одним лишь альбомом и карандашами, она уговорила Вагнера дать ей машинное масло и нарисовала потрясающую картину для пришельцев, которой до сих пор ходили любоваться обитатели ангара. А затем задала им вопрос, на который инопланетяне ответили. Нельзя сказать, что завязалось бурное общение, но диалог хоть медленно, но развивался... Пока Сандра, спасая Райли, не вырубил компьютерную сеть.

– Да. – Анна вновь улыбнулась. – Конечно, знаю.

– И я... я просто подумала, что это тебя чуточку обрадует. – Диккенс вытащила из рюкзака альбом, вынула из него лист и протянула Баррингтон. – Подарок.

Это был карандашный портрет Артура, выполненный большим мастером. И выполненный от души: художница изобразила мальчика таким, каким он бывал очень редко – улыбающимся. Изобразила с такой теплотой, что на глазах Анны выступили слёзы.

– Диккенс...

– Только ничего не говори, хорошо?

– Можно сказать спасибо?

– Это можно.

¹ Самбо – потомки от смешанных браков индейцев и африканцев.

– Спасибо.

Слёзы мешали разглядеть детали, но вытирать их Баррингтон не стала, почему-то подумала, что не нужно. Потом слёз стало так много, что перед глазами поплыло, а потом... А потом Анна нашла себя лежащей на спальном мешке и укрытой другим мешком – художницы. Увидела потолок, поняла, что заснула, вскочила, повернулась и наткнулась на ласковый взгляд Диккенс.

– Доброе утро.

– Доброе... Как Артур?

– Всё так же. Я ведь обещала за ним приглядеть.

– Да... – Визит художницы, участливый разговор и портрет сделали главное – успокоили Анну. Ненавязчиво успокоили душу и так позволили расслабиться. Нервное напряжение слетело, навалилась усталость, и всё это вылилось в мягкое, незаметное отключение. – Как долго я спала?

– Два часа.

Но даже эти минуты принесли облегчение: Анна почувствовала себя отлично отдохнувшей и скромно спросила:

– Можно я схожу в туалет?

– Ты ещё спрашиваешь!

– Спасибо.

Девушка вытащила из рюкзака полотенце, гигиенический набор, свежую футболку и отправилась приводить себя в порядок. А когда вернулась – нашла рядом с Диккенс Вагнера. И не удивилась, поскольку давно заметила, что кадет частенько оказывается рядом с самбо. Но на этот раз он явился к Анне.

– Как ваши дела, мисс Баррингтон? Как Артур?

– Я в порядке, Павел, спасибо. Артур...

– Да, извините... – Вагнер смущённо улыбнулся. – Глупые клише.

– Я понимаю. – Анна положила выстиранную футболку на рюкзак и уселась на свой спаль-ный мешок. – А как ваши дела, Павел?

– Зашёл рассказать, что в ближайшее время мы будем видеться реже, мисс Баррингтон: принято решение ремонтировать VascoomA, и я отправляюсь на нижний уровень.

– Жаль.

– У меня есть служебные обязанности, мисс Баррингтон.

– Конечно, Павел, и я надеюсь, что вы с ними справитесь.

– Благодарю.

– У тебя получится починить VascoomA? – Художница вернулась к прежнему, колючему тону.

– У меня должно получиться, мисс Диккенс, – ровно ответил Вагнер. К тону он давно привык.

– Но как мы вытащим VascoomA из ангара?

Некоторое время кадет молчал, затем осторожно пожал плечами:

– Принято решение заниматься проблемами по мере их поступления, мисс Диккенс. И делить обязанности: я буду заниматься ремонтом клипера, а кто-то другой – ломать голову над тем, как вытащить его наружу. – Пауза. – Обо всём этом будет объявлено на собрании.

– Сегодня проведут собрание? – уточнила Анна.

– Обязательно, мисс Баррингтон. Вы удивлены?

– Не ожидала, если честно, – не стала скрывать девушка. А Диккенс поддержала её кивком головы.

– Как только мистер Райли и капитан Линкольн окончательно проработают ближайшие планы, они обязательно проведут общее собрание и доведут принятые решения до сведения всех. Официально.

– Они не очень демократичны, – заметила художница.

– Ситуация не располагает к демократии, мисс Диккенс.

– Ты с этим согласен?

– Кто-то должен взять на себя ответственность за происходящее, и я не имею ничего против того, чтобы этими кем-то стали капитан Линкольн и мистер Райли. Мы действительно находимся в сложном положении, а коллегиальная форма управления отнимает слишком много времени.

– Допустим... – Диккенс помолчала, после чего выдохнула вопрос, который, судя по всему, считала очень важным: – Павел, VascooM можно починить?

– Я ещё его не видел, однако мистер Райли достаточно оптимистичен, – уклончиво ответил кадет.

– И на чём базируется его оптимизм?

– На том, что в результате обстрела не взорвался реактор.

...

Линкольн не ожидал, что совещание затянется. Думал, они с Райли обсудят наиболее важные вопросы, обменяются впечатлениями, поговорят с Землёй и отправятся по своим делам. Рассчитывал быстро освободиться, но ошибся: воспользовавшись тем, что связь с Землёй прервалась на неопределённый срок, Аллан решил досконально разобраться в происходящем и засыпал капитана вопросами на самые разные темы. Интересовало всё: подробности катастрофы, взаимоотношения выживших, поведение сотрудников, как формировались центры притяжения среди «детей» – несмотря на просьбы Линкольна, Райли продолжил называть молодых людей детьми, и, конечно же, он жадно расспрашивал обо всём, что происходило в момент столкновения, но главное – во время прибытия спасательной миссии.

– Я хочу точно знать, как тебе удалось нас спасти.

Ни больше ни меньше.

Ответить на этот вопрос было очень сложно, однако Линкольн прекрасно понимал, что Райли имеет на него право: ведь это его клипер инопланетяне пытались уничтожить на подлёте к кораблю, это его людей расстреливали из крупнокалиберных пулемётов, это на его комбине-зоне до сих пор виднелись пятна крови. Не его крови, но это не важно – крови тех, кто был рядом. И больше не будет. Райли прошёл через ад и потому имел право на максимально честный ответ. Он хотел знать, почему инопланетяне не сумели его убить.

– Стрельба просто остановилась, – добавил Коллинз. – Словно им приказали остановиться.

– Я уже рассказывал: мисс Жарр сумела запустить в компьютерную систему вирус. Который сработал очень и очень вовремя.

– Жаль, что не раньше... – вздохнул Коллинз.

– Мы делали всё, что могли.

– Стефан, я в последний раз прошу тебя относиться к словам капитана Линкольна с максимальным уважением, – неожиданно жёстко произнёс Райли. – Только благодаря его хладнокровию и принятым им решениям мы с тобой сейчас здесь. Живые. – Пауза. – Это понятно?

– Да, сэр, понятно. – Коллинз посмотрел на Линкольна. – Если мои слова задели вас или показались оскорбительными – я прошу принять самые искренние извинения.

– Всё в порядке, майор, я понимаю.

– Спасибо, сэр.

Военный посмотрел на Райли, тот едва заметно кивнул, инцидент сочли исчерпанным, и директор «Vasoom Inc.» вернулся к делам:

– Другими словами, нюансов проникновения в компьютерную сеть инопланетян ты не знаешь?

– Квалификация не позволила мне детально контролировать происходящее, – спокойным голосом сообщил Линкольн. – Но если честно, после того как восстановилась Сирена – компьютерная сеть «Чайковского», – я даже представить не мог, что мы сможем замахнуться на атаку. Это не казалось несбыточной мечтой – мечты не было.

– Вам нужно было выживать, – тихо сказал Райли.

– Да. – Линкольн помолчал. – Мы наладили устойчивую связь с Землёй, обеспечили сетью пассажиров – привычная активность помогла им отвлечься, – но даже не предполагали забираться в системы инопланетян.

– Они к нам забрались, – буркнул Райли.

– Но мы об этом не знали.

– Угу.

– И это было последнее, чего я ожидал от Артура Баррингтона.

– Никто не ожидал, – согласился Аллан. – Но об Артуре, учитывая его состояние, поговорим чуть позже. Пока же меня интересует собственно взлом системы, который осуществила Сандра.

– Без Артура у мисс Жарр ничего бы не получилось.

Несмотря на отсутствие посторонних и тот факт, что разговор шёл между давно знающими друг друга мужчинами, Линкольн упрямо продолжал называть девушку «мисс Жарр», подчёркивая, что относится к ней с уважением и не допускает панибратства с молодыми людьми. По имени он называл только Баррингтона – в силу юного возраста.

– Ты говорил, что в тот момент Сандра действовала самостоятельно, потому что Артур отключился, – припомнил Райли.

– Мисс Жарр сказала, что будет работать через него, но детали не уточнила.

– А если бы уточнила, ты бы мало что понял.

– А если бы понял, то служил бы программистом, а не старшим офицером.

Аллан бросил на старого друга быстрый взгляд и негромко произнёс:

– Я тебя не укорял.

– Я знаю, – в тон ему ответил Линкольн. – Но когда ты говорил майору, что мои решения спасли вам жизнь, ты был прав отчасти: решения принимал я, но исполняла их мисс Жарр. Без неё не было бы никаких решений.

– И нас бы убили.

– Да.

– Но я всё равно благодарен тебе, Исая. Ты уж извини, но я не уверен, что не будь тебя рядом, Сандра позаботилась бы о нас.

– Мисс Жарр – землянка.

– Артур, кажется, тоже? Или у тебя есть сомнения?

– Сомнений нет, – мрачно ответил Линкольн. – Это Артур помог тебе подойти к кораблю и открыл ангар.

– Вот. – Райли выдержал короткую паузу. – Что же касается Сандры, то на её счёт, как ты знаешь, существуют определённые сомнения. Козицкий считает, что девушка связана с Мясником Краузе.

– Считает, но доказать не может, – уточнил капитан.

– Пока не может, – уточнил в ответ Аллан.

Аллан недолюбливал дознавателя, который пару раз сажал его в лужу, однако отдавал должное уму и проницательности Козицкого и внимательно прислушивался к его мнению.

– В таком случае, разговор не имеет смысла.

– Подозрения всегда имеют смысл, – не согласился директор «Vacoorn Inc.». – Тем более, в наших обстоятельствах. – Снова пауза. – У нас нет права на ошибку.

– Всё равно допустим.

В ответ Райли развёл руками и улыбнулся.

Да, они – люди. Да, они ошибались, ошибаются и будут ошибаться, потому что без них – без ошибок – невозможно добиться задуманного. И без риска невозможно, а риск повышает вероятность ошибки. Да, всё так. Но они будут рисковать и ошибаться – ради того, чтобы идти вперёд.

– Что ты предлагаешь? – спросил капитан.

– Я ничего не предлагаю, – ответил директор «Vacoorn Inc.». – Я обсуждаю происходящее и накапливаю информацию. Предлагать начну, когда стану хотя бы чуть-чуть понимать, что здесь происходит.

– Ещё не понимаешь?

– Не до конца.

– Тогда задавай вопросы, – предложил Линкольн.

– У меня их полно, – не стал скрывать Райли. И резко бросил: – Насколько ты доверяешь Сандре?

– По какой шкале?

– По пятибалльной.

Доверяю – скорее доверяю – не могу ответить – скорее не доверяю – не доверяю.

– Ты ведь знаешь, что у меня не было выбора, – вздохнул капитан. – Программист, который летел на «Армстронг», погиб, к тому же я сильно сомневаюсь, что квалификация позволила бы ему разобраться в происходящем так быстро и так глубоко, как это сделала мисс Жарр, а именно это спасло тебя и твоих людей.

– Я уже поблагодарил и не вижу смысла возвращаться к этой теме.

– Да, извини... – Линкольн позволил себе улыбку, но очень быструю. – Артур слишком замкнут, никогда не знаешь, что у него на уме и сделает ли он то, что приказано. А мисс Жарр...

– У тебя не было выбора.

– Да, у меня не было выбора, Аллан, и даже Козицкий это понял и дал добро на сотрудничество.

– Козицкий разрешил привлечь Сандру? – заинтересовался Райли. – Когда?

– Он связался со мной перед атакой, сказал, что не знает, кем в действительности является мисс Жарр, и предложил её арестовать.

– А ты?

– Мне нужно было тебя спасти, Аллан, я об этом сказал, и Козицкий отозвал распоряжение.

– И больше к нему не возвращался?

– Нет. – Линкольн провёл рукой по волосам. – Я понятия не имею, что мисс Жарр сделала с нашей сетью в своих интересах и сделала ли что-нибудь, но мои приказы она выполнила в точности.

– И тебя это устроило.

– У меня не было выбора. – Капитан помолчал. – Ты тоже обратил внимание, что я повторяюсь?

– Так получилось, – улыбнулся Райли.

Однако Линкольн не принял шутливый тон и продолжил очень серьёзно:

– И забегая вперёд, отвечу на ещё не прозвучавший вопрос: у тебя тоже нет выбора, Аллан. Нравится тебе или нет, но в настоящий момент мисс Жарр – наш единственный про-

граммист, и нам придётся пользоваться её услугами. Даже если бы Артур Баррингтон оставался в строю, я бы всё равно предпочёл мисс Жарр.

– То есть твоя оценка...

– Скорее доверяю, – твёрдо ответил Линкольн. – И я не понимаю, что тебя смущает? –

Пауза. – В данных обстоятельствах.

– Только то, что я уже сказал: Козицкий считает, что Сандра работает на Мясника Краузе, – развёл руками Райли.

– А сам Краузе на борту? – тихо спросил капитан.

Даже не спросил, скорее протянул короткую фразу, словно привыкая к ней.

– Козицкий уверен, что Краузе на борту, – жёстко ответил Райли. – И, возможно, есть третий сообщник, о котором мы вообще ничего не знаем.

– Ничего?

– Только то, что он, возможно, высококлассный убийца.

– Телохранитель Краузе?

– Его исполнитель, – уточнил Райли и пояснил: – Мы знаем, что Краузе привлекал к своим делам профессиональных преступников и щедро им платил. Но они – люди без чести и совести. Они бы обязательно предали Краузе, когда мы объявили на него тотальную охоту, но этого не произошло. Поэтому Козицкий считает, что у Краузе есть человек, способный нагнать страх на самых низких типов.

Фраза прозвучала настолько весомо, что капитан ощутил внутри лёгкий холодок. Медленно выдохнул и спросил:

– У меня на борту безжалостный убийца?

– Возможно.

Линкольн кивнул, показав, что услышал собеседника, и поинтересовался:

– Вы пообещали мисс Жарр иммунитет?

– Разумеется, – пожал плечами директор «Vasoom Inc.». – Однако это произошло до того, как мы узнали о Краузе и предположили, что Сандра с ним связана. Речь шла о мелких преступлениях вроде хакерских атак и проникновения на «Чайковский».

– И больше вы с мисс Жарр не говорили?

– Во-первых, не было времени, во-вторых, нужно всё тщательно просчитать.

– Учитывая обстоятельства, можно предложить иммунитет от всего.

– Нет.

– Нет?

– Одно дело быть хакером, и совсем другое – убеждённым членом террористической группы, – объяснил Райли. – Козицкий считает Краузе высокомотивированным, а главное – идейным противником. И его ближайшее окружение состоит из таких же людей. Они отказались от очень выгодных предложений о сотрудничестве, которые делали им крупные корпорации, и никогда не брали откупных. Они решились на невероятно рискованный, можно сказать – самоубийственный – захват «Чайковского», и Козицкий считает, что их нельзя купить.

– А Козицкий не ошибается.

– Редко.

– Но при этом Козицкий верит, что с ними можно договориться?

– Ты сам сказал, что у нас нет выбора.

– А у них? Не пойдёт же мисс Жарр служить инопланетянам?

– Почему нет?

– Ты серьёзно?

– Не забывай, что на Земле Сандру ожидает пожизненное. Причём пожизненное – в лучшем случае, скорее всего Краузе и его ближайших сподвижников казнят. Так что выбор у Сандры невелик.

– Он меньше, чем ты думаешь. Это ведь мисс Жарр отправила систему инопланетян в нокдаун. Она для них прямая угроза.

– И когда инопланетяне очнутся...

– Они в первую очередь будут искать мисс Жарр, – закончил за Аллана Линкольн. – Чтобы устранить угрозу.

– Она не дура и это понимает.

– Что делает мисс Жарр нашим ситуативным союзником.

– Однако полностью ей доверять нельзя.

– Разумеется. И если ты планируешь взять мисс Жарр с собой, тебе необходимо продумать, как ты будешь её контролировать.

– Поэтому я и спрашиваю тебя о взломе системы – хочу понять, на что Сандра способна.

– Сможет ли она перехватить управление?

– Например.

– Не знаю, – протянул капитан. – Одно дело – пробить «Ламборгини» колёса, и совсем другое – сесть за руль.

– Я просто поделился сомнениями, – произнёс Райли. После чего вывел на монитор изображение с одной из видеокамер «Чайковского» – той, которая была направлена на Конфетку, приблизил группу ребят и поинтересовался: – Кто это с ней?

– Неужели ты их не узнал? – искренне удивился Линкольн. – Никого?

– Одна, кажется, Октавия? Леди ОК?

– Да, – подтвердил капитан.

– А с ней Даррел?

– Он всегда с ней.

– Один из центров силы?

– И довольно мощный.

– Но держатся особняком? Я понял это потому, что ты не привлёк их во «взрослую» группу.

– Слишком самостоятельны, – объяснил Линкольн.

– Понятно, – протянул Райли, внимательно разглядывая ребят. – Понятно...

...

– Насколько всё плохо? – негромко спросила Октавия, глядя на Сандру в упор.

– А ты записываешь? – поинтересовалась в ответ Конфетка.

– Нет.

– Честно?

– Я друзей не обманываю.

Октавия была одной из известнейших блогеров планеты – Леди ОК – с аудиторией в сотни миллионов человек, а после того, как оказалась на корабле пришельцев и получила эксклюзивный доступ к самой волнующей информации современности, её блог стал сетевым ресурсом № 1. Число подписчиков приближалось к миллиарду, и все они с нетерпением ждали новых репортажей.

По этой причине Октавию всегда сопровождали микродроны: или парили вокруг, или сидели на плече, ожидая команды на взлёт. Снимают они или просто летают, определить было невозможно, чем и был вызван вопрос Конфетки.

– Ты пообещала, – протянула Сандра.

– Даю слово.

– Принимается.

– Теперь ответишь на вопрос? – Леди выгнула правую бровь.

– Я не могу сказать, насколько плохо, потому что сейчас ничего не понятно, – медленно произнесла Конфетка. – В результате атаки компьютерная система корабля пришельцев перестала функционировать...

– Ты её вырубил? – быстро спросил Даррел.

– Да, – кивнула Сандра.

– Ты – крутая.

– Какая есть.

Август Даррел по прозвищу Бесплезный – за него он должен был быть признателен острой на язык Диккенс – являл собой яркий пример «self-made man»: выросший в гетто паренёк ухитрился вырваться из нищеты и стал знаменитым киберспортсменом, чемпионом, которого никто не мог свалить с пьедестала. Они с Октавией познакомились задолго до путешествия на Луну, но с тех пор, как оказались на борту «Чайковского», не расставались, став самой яркой парой их маленького сообщества.

– А как именно ты вырубил их сеть?

– Ну, если тебя интересуют технические подробности... – начала Сандра, однако Леди мягко остановила подругу:

– Август, я очень благодарна за то, что ты принимаешь участие в разговоре, но можно я закончу с расспросами?

Сейчас Октавия не снимала, однако привычка вести важные разговоры как интервью и не позволять никому перебивать себя глубоко въелась в девушку.

– Извини, – покладисто ответил Даррел. – Думал тебе помочь.

– Спасибо. – Леди нежно прикоснулась к руке парня и вернулась к расспросам: – Итак, компьютерная сеть инопланетян лежит. Что это значит для нас?

Судя по всему, Октавия тщательно продумала разговор и Сандру ожидал далеко не один вопрос. Но Конфетка была не против.

– Два самых важных результата таковы... Первое: нам теперь не с кем договариваться и вести хоть какой-то диалог, поскольку корабль, как выяснилось, пребывал в автономном режиме.

– Команды нет?

– Команды нет.

– Это точно? – вставила свой вопрос рыжая Баджи, до сих пор просто прислушивавшаяся к разговору.

– Это вывод, который аналитики сделали на основании наблюдений, и вывод кажется правильным.

– Кому кажется? – уточнил Бесплезный.

– Всем.

– И тебе? – поинтересовалась Баджи.

– И мне, – кивнула Сандра.

Как это всегда бывает, пары среди участников путешествия на Луну формировались постепенно: одни находили друг друга, едва обменявшись взглядами, и оставались вместе до сих пор, другие долго присматривались, выбирали или хотели быть выбранными именно этим человеком, третьи продолжали менять партнёров... Что же касается татуированной Баджи, она как оказалась около Конфетки, так и не отходила, и трудно было сказать, насколько крепкой стала их дружба.

– Что же будет с лишённым управления кораблём? – нахмурилась Октавия.

– Скоро узнаем, – улыбнулась в ответ Сандра.

– Я серьёзно.

– На самом деле, я – тоже.

– Но если ты вырубил систему, то почему... – Баджи пошевелила пальцами, пытаясь выбрать нужное продолжение, и Бесплезный пришёл на помощь:

– Перестал моргать свет?

– Например.

И все посмотрели на Сандру.

– Я бы сказала, что через некоторое время включился резервный контур управления, – ответила Конфетка. – Который призван поддерживать нормальное функционирование систем жизнеобеспечения.

– Но он не такой умный, как основной контур, который ты вырубил? – уточнила Октавия.

– Ага.

– То есть нам разговаривать не с кем? – спросила Баджи.

– Не с кем, – согласилась Конфетка. – Но есть ещё один вопрос: захотят ли с нами снова разговаривать?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы их обидели, да? – прищурилась Октавия.

– Скорее, разозлили, – уточнила Сандра.

– Чёрт, – выругался Даррел.

– Да что случилось? – до сих пор не понимала Баджи.

– Случилась заварушка с перестрелкой, – объяснила подруге Конфетка. – И кто знает, как система посмотрит на нас после восстановления. Скорее всего, как на врагов.

– Инопланетяне и раньше не шли на переговоры, – напомнил Август.

– Но теперь они знают, что мы представляем для них угрозу.

– Подожди секунду... – Октавия подняла указательный палец. – Если система восстановится или когда?

– Когда, – твёрдо ответила Сандра. – Я о себе высокого мнения, но сломать систему такого уровня мне не под силу. Она пропустила оплеуху, оказалась в нокауте, но обязательно восстановится.

– И тогда инопланетяне нас убьют? – очень тихо спросила Леди.

– Очень хороший вопрос. – Судя по спокойному тону, Конфетка много размышляла о последствиях и перестала волноваться. – Кого-нибудь они точно убьют. Скорее всего, только Райли и его спутников, всех, кто прилетел на VascoomA.

– Скорее всего? – прищурился Август.

– Сандра хочет сказать, что в глазах инопланетян она представляет угрозу, – объяснила Октавия. – И когда система восстановится – тоже станет мишенью.

– Нет! – выкрикнула Баджи, чем привлекла внимание окружающих.

Сидящие неподалёку ребята повернулись, и собеседникам пришлось говорить тише.

– Всё, о чём мы говорим – предположения, – сказала Конфетка, явно недовольная тем, куда зашёл разговор. – Инопланетяне спасли нас, заботились о нас и перешли к боевым действиям только при появлении военных. Возможно, они проявят снисхождение. Но в любом случае нужно понимать, что отношения мы с ними подпортили, и быть готовыми к любому развитию событий.

– Мне страшно, – тихо и очень просто произнесла Баджи.

Странное дело: до сих пор Баджи и выглядела, и вела себя как старшая сестра Конфетки, была более уверена, как это бывает у детей, чувствующих ответственность за кого-то. Но теперь роли поменялись: Конфетка выглядела собранной, спокойной, решительной и очень взрослой. И на её фоне Баджи раскисла.

– Прости, – тихо ответила Сандра. – Но вы попросили рассказать, что происходит, и я рассказываю. Причём в очень мягких выражениях.

– Спасибо.

В ответ Конфетка вздохнула.

– Как думаешь, резервная система управляет движением корабля? – вернулась к вопросам Октавия.

– Во всяком случае, поддерживает его, – ответила Сандра. – Но мне, если честно, сейчас это безразлично.

– Почему? – искренне удивилась Леди. – Разве это не важно?

– Мы и раньше не знали, куда летим. А теперь продолжаем лететь туда, куда не знаем.

Баджи через силу, но улыбнулась шутке. Бесплезный хмыкнул. И даже Октавия признала:

– Красивый ответ.

– Обращайся, – пожала плечами Сандра.

– Я слышала, что мы летим в сторону Марса?

– Вроде да.

– Именно к планете?

– Да.

– А что будет, если корабль достигнет Марса до того, как включится бортовой компьютер?

– Надеюсь, программа пилотирования разберётся, что нужно делать, и мы не врежемся в Марс.

– Надеешься? – переспросила Октавия.

– А что мне остаётся?

– Но ведь ты была в компьютерной системе инопланетян!

– Я её ломала, а не изучала, – напомнила Сандра. – Есть разница?

– Есть, – помолчав, признала Леди. – Извини.

– Ничего страшного. – Конфетка тоже выдержала паузу. – Сейчас все на нервах.

– Это точно...

Неудачная спасательная операция крепко ударила по моральному духу ребят, которые уже готовились лететь домой. Они верили в Райли, они надеялись на него, считали часы до его прилёта и теперь потеряли ориентир. Не знали, что будет дальше. Осталась ли надежда? Выберутся ли они с инопланетного корабля или обречены лететь на нём... Просто: лететь на нём, пока не случится что-то, что снова изменит ситуацию.

Смогут ли они изменить что-то сами? Этого они тоже не знали.

– Райли выглядел спокойным, – произнесла Октавия. Поймала недоумённые взгляды и объяснилась: – Понятно, что, только появившись, он был разгорячён перестрелкой и слегка не в себе. Но когда Аллан шёл с капитаном к «Чайковскому», то выглядел вполне спокойным и даже немножко довольным.

– Чем он может быть доволен? – не поняла Сандра.

– Я правильно понимаю, что спасательная миссия провалилась и VascoomA валяется в таком же ангаре, как наш, только этажом ниже, и в таком же состоянии, как «Чайковский»? – спросил Даррел. – То есть повода для радости, мягко говоря, нет.

– VascoomA валяется в таком же ангаре, только уровнем ниже, но его состояние, насколько я понимаю, значительно лучше, – ответила Конфетка.

– Клипер будут чинить?

– Скорее всего.

– А мы не слишком далеко от Земли?

На этот вопрос Конфетка могла лишь пожать плечами и сказать, что лучше иметь один отремонтированный, готовый к полёту клипер, чем два непригодных к выходу в открытый космос.

Некоторое время они молчали, обдумывая услышанное и сказанное, после чего Октавия вернулась к интересующей её теме:

– Ты ещё не говорила с Алланом?

– Нет.

– Мне кажется, Райли доволен тем, что оказался на инопланетном корабле, – продолжила мысль Октавия. – Что это было его настоящей целью.

– Райли прилетел за нами, – заметила Баджи.

– Интересно, полетел бы он, если бы мы, как считалось изначально, врезались в астероид и сидели на его поверхности?

– Ты серьёзно? – распахнула глаза Баджи. А затем посмотрела на подругу и увидела, что Сандра не удивлена вопросом. И, вполне возможно, сама была готова его задать.

– Я прорабатываю различные варианты, – ответила Леди, тоже глядя на Конфетку.

– Ему нужен корабль, – сказала Сандра. – Или как можно больше информации.

– Аллан полезет внутрь?

– Обязательно. Для этого он и притащил на борт учёных и военных.

– Кто бы сомневался! – выдохнул Август.

– Глупо не использовать шанс, – обронила Конфетка. – Он по-настоящему исторический, без дураков.

– Но зачем ему военные? – не поняла Баджи.

Ответа на этот вопрос ни у кого не было.

– Возможно, сработал стереотип, – предположила Октавия. – Раз мы имеем дело с неизвестным кораблём, то он, возможно, таит в себе угрозу, а раз так – давайте пришлём военных.

– Если бы не они, Райли позволили бы нас забрать и отчалить, – протянул Бесплезный.

– Ты этого не знаешь.

– Не знаю, но предполагаю, – парировал Август. – И ещё предполагаю, что Райли знал, что появление военных не понравится инопланетянам, и сознательно пошёл на конфронтацию.

– Рисковал жизнью? – Леди изумлённо вскинула брови.

– Да.

– Ради чего?

– Чтобы проникнуть на корабль и попытаться завладеть его секретами. Наше спасение – это побочная цель миссии, не основная.

– А всё, что ты сейчас сказал, – твои домыслы, – холодно отчеканила Баджи.

– Предположения, – уточнил Бесплезный.

Баджи промолчала.

– На что рассчитывает Райли? – продолжила Октавия. – Перехватить управление?

– Он со мной не советовался, – напомнила Сандра. – Ты спросила моё мнение – я его высказала.

– А я бы с удовольствием прогулялся по кораблю, – с улыбкой произнёс Август. – Это ведь интересно!

– Безумно интересно.

– Но внутрь отправятся не все.

И они дружно, как по команде, повернулись к открытым воротам, у которых скучал выставленный директором «Vasoom Inc.» охранник.

– Нам не позволят пройти внутрь, чтобы своими глазами посмотреть на инопланетную технику и пощупать её, – вздохнул Бесплезный. – Обидно, ведь мы в некотором роде первооткрыватели. Мы первыми ступили на борт корабля.

– Лавры у нас никто не отнимет.

– Речь не о лаврах. А о том, что мы уже здесь... и ничего не видим.

– А зачем тебе внутрь? – неожиданно спросила Леди.

– Разве тебе не интересно? – удивился Август.

– Только поэтому?

– Этого более чем достаточно.

Октавия покачала головой.

– Спортсмены, – тонко улыбнулась Сандра. – У них свои принципы: хотят быть первыми всегда и во всём.

– И не видят в этом ничего плохого, – добавил Бесплезный.

– Азартные ребята.

– Просто любим побеждать.

– Поход внутрь корабля ты рассматриваешь как победу? – удивилась Октавия.

– Я просто хочу там побывать, – ответил Бесплезный и повторил: – Мне интересно.

– Всем интересно, – вздохнула Баджи. – Но приказы будет отдавать Райли.

– Да, он теперь главный.

И они снова посмотрели на вооружённого охранника.

– Без них было как-то спокойнее, – обронила Конфетка.

Вслух никто ничего не сказал, но мысленно все с девушкой согласились.

Появление Райли, которого все ждали с таким нетерпением, обернулось не только крушением надежд на возвращение домой, но и изменением привычного порядка. Ничего ещё не было произнесено, однако все чувствовали и видели в молчаливых военных, что прежних отношений со «взрослыми» больше не будет.

Приехали «серьёзные» люди.

– Раньше за Линкольна был только его авторитет, – негромко и немного грустно произнёс Бесплезный. – Но одного авторитета мало, поэтому он был вынужден договариваться с нами, искать компромиссные варианты по всем вопросам. Теперь всё поменяется. Всё будет как на Земле.

– А что на Земле? – поинтересовалась Баджи.

– Когда тебе говорят прыгать, ты прыгаешь.

– Для этого нужны солдаты?

– Солдаты – самый простой способ добиться желаемого.

– Но он не всегда работает, – вдруг сказала Сандра.

– Именно, – согласился Бесплезный. – Но он простой, понятный, и не нужно думать ни о чём больше: приказал – исполнили, а ребята с автоматами проследят, чтобы исполнили в точности. Я, конечно, посмотрю, как поведёт себя Линкольн, но что-то мне подсказывает, что договаривался он с нами от безысходности. И теперь мы увидим настоящего капитана.

– Не хотелось бы, – поёжилась Октавия. И уточнила: – Не хочется, чтобы ты оказался прав.

– Мне тоже, – вздохнул Август, мягко обнимая девушку за плечи. – Мне тоже.

– Но ведь главный теперь Райли, – зачем-то сказала Баджи. – Почему вы говорите о Линкольне?

– Потому что он останется главным, если Райли отправится в глубь корабля, – объяснила Сандра.

– А он отправится?

– Мы только что об этом говорили.

– Да. – Баджи виновато посмотрела на подругу. – Я... чувствую некоторую рассеянность, если честно. Или растерянность. В общем... не могу собраться.

– Я тебя понимаю.

– Правда?

– Да.

– Я тогда оставлю вас ненадолго, хорошо?

– Конечно.

Баджи поднялась и направилась к уборной.

– Все мы немного рассеяны в последнее время, – проворчал Бесплезный, глядя ей вслед. – Или растеряны.

И вздрогнул, потому что Октавия, которая последние минуты уютно прижималась к Августу, неожиданно высвободилась из объятий и деловым тоном попросила:

– А теперь, пожалуйста, расскажи, что на самом деле случилось с Артуром?

– Этого никто не знает, – быстро ответила Конфетка, глядя Леди в глаза.

– Сандра?

– Октавия?

– Я ведь сказала, что не записываю наш разговор.

– А я могу сказать только то, что знают все, то есть официальную версию: Артур впал в кому.

– Причина? – Леди чуть подалась вперёд.

– Я её не назову, – ровно ответила Конфетка.

– Почему?

– А ты не понимаешь?

– Тебе приказали молчать?

В ответ – тишина.

– Но ты знаешь, почему Артур впал в кому?

Конфетка смотрит Леди ОК в глаза и улыбается.

Зачем слова, если и так всё понятно: да, приказано молчать; да, она знает почему.

– Артур очнётся? – помолчав, спросила ОК.

– Мы все на это очень надеемся, – искренне ответила Сандра.

– Артур знает что-то важное?

– Артур может всем нам крепко помочь, – медленно произнесла Конфетка. – А может очень сильно навредить. Мы не знаем, как Артур себя поведёт, но исходя из того, как он вёл себя раньше, надеемся на первое. Поэтому не делаем ничего, что помешает Артуру очнуться. Это всё, что я могу сказать, ребята, извините.

– Мне показалось или ты сторишь Анна?

– Не показалось, но я не могу сказать ничего больше.

– Почему?

– Потому что это вернёт нас к теме, говорить о которой мне запрещено. – Конфетка выдержала паузу, раздумывая, закончить на этом или нет, и решила, что нужно продолжить: – Анна обвиняет меня в том, что случилось с Артуром. – ОК и Август наострили уши. – Частично Анна права, но я не хотела причинять вред Артуру, и Анна об этом знает. Но злится, потому что вред причинён. Вот всё, что я могу сказать о наших делах с Баррингтон.

– Понятно... – протянула Октавия.

– А ты не хочешь с ней поговорить? – неожиданно спросил Бесплезный.

Несколько мгновений Сандра смотрела ему в глаза, причём смотрела так пристально, что не будь Октавия абсолютно уверена в Августе, могла бы заревновать, после чего тихо сказала:

– Я не против, но не уверена, что Анна захочет со мной говорить.

– А я уверена, что смогу убедить её, – включилась в разговор Леди. – Август, ты подал прекрасную идею.

– Обращайся, любимая.

– Я знаю, что ты у меня умный. – Октавия поцеловала парня в нос.

– Если получится, я буду благодарна, – протянула Конфетка.

– Обязательно получится. – Леди вновь повернулась к подруге и понизила голос: – Я понятия не имею, что между вами произошло и что тебе приказано скрывать, но хочу, чтобы

ты знала: нам известно, что Артур как-то связан с инопланетянами. Микродроны подслушали часть их разговора.

– Артура и пришельцев?

– Анны и того, кого мы сейчас называем Артуром, – ответила Октавия, глядя Конфетке в глаза. – И мне почему-то кажется, что для тебя это не новость.

Несколько мгновений Сандра молчала, переводя взгляд с Октавии на Августа и обратно, затем едва заметно передёрнула плечами и прежним, очень тихим голосом произнесла:

– Больше никому об этом не рассказывайте. Для вашего же блага.

– Уверена, что для блага? – уточнила Леди.

– Абсолютно уверена, – очень серьёзно продолжила Сандра. – Я с удовольствием послушаю, что вы узнали об Артуре, но говорю ещё раз: никому больше. Тайна Артура и Анны Баррингтон должна стать для вас запретной темой.

...

– Теперь, Исая, давай поговорим об Артуре Баррингтоне.

– Самое интересное ты оставил напоследок? – улыбнулся Линкольн.

– Я бы сказал: самое важное, – не согласился Райли.

– Важнее, чем мисс Жарр?

– А разве нет?

– Не знаю, – протянул капитан. – Мне кажется, что в нынешних обстоятельствах – учитывая, что Артур в коме – мисс Жарр имеет для нас несравненно большую ценность.

– Большую ценность, но меньший интерес, – уточнил Райли. – Обстоятельства рано или поздно изменятся, они всегда меняются, на то они и обстоятельства, но как бы они не изменились, я знаю, что из ситуативного союзника Сандра перейдёт в разряд обвиняемого или получившего иммунитет свидетеля, ты станешь легендой и возглавишь базу «Армстронг», майор Коллинз станет первым в истории военным, сразившимся с инопланетянами, кто-то из детей напишет книгу, и все они станут знаменитыми...

– Если останемся живы, – добавил Линкольн.

– Другие обстоятельства меня не интересуют, – отрезал Аллан. И спокойно продолжил: – Так вот. Всё будет именно так, как я описал, и на этом фоне, в абсолютной тишине и строжайшем секрете, лучшие умы планеты будут заниматься Артуром Баррингтоном. Его тайной.

– Думаешь, есть тайна? – вздохнул Линкольн.

– Ты мне скажи, – предложил Райли.

– Есть, – помолчав, признал капитан. – Но будь я проклят, если понимаю, в чём она заключается.

– Поэтому мы и называем её тайной, – усмехнулся директор «Vacoorn Inc.». – Пока называем.

– Согласен...

– Артур Баррингтон связан с инопланетянами?

– Несомненно.

– По доброй воле?

– Ребёнок – аутист, – напомнил Линкольн.

– Возможно ли, что инопланетяне используют Баррингтона именно потому, что он аутист? – подал голос Коллинз.

– Я об этом не думал, – признался капитан.

– Мы впервые заговорили об Артуре и его связи с инопланетянами подробно и всерьёз, – сказал Райли прежде, чем майор ответил Линкольну. Потому что догадывался, как военный

прокомментирует слова капитана. – И заговорили именно для того, чтобы в первом приближении понять, что происходит.

– Аутисты видят мир очень своеобразно, – после короткой паузы продолжил Коллинз. Было видно, что он «проглотил» заготовленную фразу и заговорил о другом. – Возможно, инопланетянам оказалось проще склонить его к сотрудничеству.

– Возможно, Артур даже не понял, что предаёт человечество, – поддержал военного Райли.

– А возможно, он никого не предавал, – неожиданно сказал капитан.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал, – твёрдо ответил Линкольн. – Мы не знаем и, учитывая, что младший Баррингтон – аутист, вряд ли когда-нибудь узнаем, как в действительности произошёл контакт и каким образом его использовали, но...

– Инопланетяне проникли в земную Сеть, – мягко произнёс Райли.

– Аллан, ты действительно думаешь, что они не справились бы без мальчика?

– Он им подсказывал, – предположил Коллинз.

– Вокруг посмотрите, – предложил в ответ капитан.

– Что? – не понял военный.

– Вокруг посмотрите, – повторил Линкольн. Но в следующее мгновение сообразил, что они сидят в трюме «Чайковского», а военный понимает предложения буквально, и поправился: – Точнее, вспомните, что мы находимся в огромном космическом корабле, на котором действует искусственная гравитация, а пробоина в обшивке заделана силовым полем.

– И что?

– Вы действительно считаете, что владеющие такими технологиями существа нуждаются в подсказках ребёнка? Пусть даже очень умного. Я больше чем уверен, что для проникновения в земную Сеть и уж тем более – чтобы разобраться с нашим языком и уровнем знаний, инопланетянам помощь Артура не требовалась.

– Но ведь для чего-то они вошли с ним в контакт! – не выдержав, воскликнул Коллинз.

– Это и есть тайна, которую нам нужно узнать, – пожал плечами Линкольн.

– Тогда давай вернёмся к началу. – Райли поднял брови, показав майору, что эмоциональность его не красит, и сложил руки на груди. – Исайя, что ты можешь сказать об Артуре?

– Даже меньше, чем о мисс Жарр, – честно ответил капитан. – Мы не разговаривали.

– Он аутист, я помню. – Аллан помолчал. – Но он ведь на тебя работал. Как ты отдавал приказания?

– Мы общались через мисс Баррингтон.

– Его старшая сестра...

– Да, – кивнул капитан, хотя видел, что директор «Vasoom Inc.» не нуждается в уточнении.

– Я её помню, – улыбнулся Райли. – Я ей отдал своё место на «Чайковском».

Артур победил в конкурсе талантов, однако лететь без сопровождения не мог, и тогда Аллан объявил, что отдаёт Анне своё место, а сам отправится на Луну другим рейсом.

– А ведь я мог быть здесь с самого начала.

– Или погибнуть в катастрофе, – вздохнул Линкольн. – Ты любишь садиться слева у иллюминатора.

– Или погибнуть в катастрофе, – согласился Райли. – Тут не угадаешь – Судьба.

– Судьба... – протянул капитан, думая о том, что должен был лететь на «Армстронг» через неделю, чтобы дать возможность предыдущему руководителю разобраться с визитом детей, спокойно отпраздновать Рождество и после этого сдать дела. Но поскольку отмечать праздник на Земле Линкольну было не с кем, а назначение его очень обрадовало, хоть и было ожидаемым, – он уговорил Аллана отправить его пораньше и пообещал предыдущему коман-

диру не вмешиваться в работу до истечения срока полномочий. Поторопился и оказался на «Чайковском». – Судьба...

– Я встречался с Анной на приёме и хочу сказать, что она мне понравилась. Рассудительная, спокойная, прагматичная.

– Именно такая, – подтвердил Линкольн. – Мисс Баррингтон – сильная девушка, к которой тянутся окружающие. Она всегда готова помочь и подбодрить. При этом она адекватна, что было очень важно, особенно на первых порах, и во всём меня поддерживала.

– Она понимает, что мы подозреваем её брата в сотрудничестве с инопланетянами?

– Мисс Баррингтон из небогатой семьи и не получила должного образования, но она отнюдь не дура.

– Означает ли твой ответ, что Анна знает о связи Артура с инопланетянами?

– Мисс Баррингтон не дура, – повторил Линкольн.

– Знает, но не сообщила нам, – сделал вывод майор.

– Давайте не будем осуждать девушку за то, что она не нашла в себе сил донести на собственного брата, – хладнокровно ответил капитан. – Тем более что Артур – единственный близкий ей человек во всём мире.

– Но...

– Согласен, Исая – не будем. – Райли вновь не позволил Коллинзу высказаться, и Коллинз вновь послушался. Впрочем, иначе и быть не могло – директору «Vasoom Inc.» майор подчинялся беспрекословно.

– И ещё я хочу сказать... – Линкольн сделал вид, что не заметил желание Коллинза ему возразить. – Если мисс Баррингтон узнала о том, что её брат общается с инопланетянами, то это случилось недавно.

– Почему ты так думаешь?

– Возможно, мисс Баррингтон хорошая актриса, но она честный человек. Ей было бы некомфортно находиться среди нас, обладай она этим знанием.

– Весьма хлипкий аргумент, Исая.

– Поэтому я на нём не настаиваю, Аллан. Просто высказал своё мнение.

– Выскажешь ещё одно? – быстро спросил Райли.

– Сколько угодно, Аллан.

– На что пойдёт Анна ради брата?

– К сожалению, на всё, – убеждённо ответил Линкольн. – К сожалению.

– То есть мы не можем ей доверять?

– Сложный вопрос.

– А по-моему, нет ничего проще, – буркнул Коллинз, который уже понял, что высказаться так, как он хотел бы, ему не позволят. – Или человек за нас, или против.

– Вы будете удивлены, майор, но я полностью разделяю вашу точку зрения, – сухо произнёс Линкольн. – Однако сейчас мы говорим не обо мне, а о мисс Баррингтон. И я прокомментирую вопрос с той позиции, что мистеру Райли требуется не простой ответ, а максимально точный. Вы поняли, что я имею в виду?

Майор угрюмо кивнул.

– Спасибо. – Линкольн вновь повернулся к директору «Vasoom Inc.». – Так вот, отвечая на твой вопрос, Аллан... Я убеждён, что мисс Баррингтон всегда будет на стороне брата и сделает всё, чтобы ему помочь. Пойдёт против кого угодно. Но это лишь одна сторона медали. Я так же убеждён, что мисс Баррингтон в достаточной мере предана своим друзьям и сделает всё возможное, чтобы не навредить им.

– Убеждён? – поднял брови Райли.

– Мисс Баррингтон умоляла брата помочь тебе. И он помог.

– Ты говорил, что нас спасла Сандра.

– Во второй раз, от расстрела, – объяснил Линкольн. – А от удара в космосе тебя уберёт Артур. По просьбе сестры.

Коллинз поджал губы, но промолчал. Даже не пикнул.

– Другими словами, оставаясь на стороне брата, мисс Баррингтон будет до последнего действовать в наших интересах. Будет пытаться нас спасти и помочь вернуться на Землю.

– «Последнее» – это что?

– Мы не должны создавать угроз Артуру, и тогда его сестра будет на нашей стороне.

– Что ты понимаешь под угрозой?

– Абсолютно всё, – серьёзно ответил капитан. – Мы должны его оберегать, заботиться о нём и не угрожать. Мы должны демонстрировать полную лояльность.

– Сейчас мальчишка нам не помощник, – заметил Коллинз.

– Именно поэтому «сейчас» – наиболее важный момент, – жёстко бросил Райли, который понял, что имеет в виду Линкольн. – Так мы завоюем полное доверие Анны.

– Да, Аллан, – подтвердил капитан.

– Стефан – полнейшая забота об Артуре, – распорядился директор «Vacoorn Inc.». – И чтобы ни словом, ни делом твои люди не показали нашу заинтересованность в нём. Мы просто заботимся о маленьком мальчике, понятно?

– Да, сэр, – быстро ответил Коллинз.

– Хорошо. – Райли потёр подбородок и посмотрел Линкольну в глаза. – Что нам известно о его предполагаемой связи с инопланетянами?

– Ничего.

– Каким образом Артур поддерживает с ними связь? Через этот терминал?

– Думаю, что через смартплекс.

– Но у Артура был полный доступ к нашей компьютерной системе?

– Не полный, но ему не составило труда его расширить.

– Мы сможем заполучить его смартплекс?

– Зачем он нам сейчас?

Несколько мгновений Райли непонимающе смотрел на капитана, а затем кивнул:

– Да. Так мы лишь покажем Баррингтонам, что подозреваем Артура.

– Именно, – улыбнулся Линкольн.

Комплексы «Smart» состояли из водонепроницаемого, ударопрочного браслета, в котором пряталась основная электронная начинка устройства, соединённых с ним очков, вживлённых в среднее ухо динамиков, микрофонов в щеке и датчиков в подушечках пальцев рук, позволяющих управляться с виртуальными монитором и клавиатурой, которые при необходимости запускались из браслета. Смартплексы не были нейроинтерфейсами, но изрядно к ним приближались, и все говорили, что скоро содержимое браслета переместится в головы пользователей. Пока же он оставался главной частью устройства и украшал руки большинства жителей планеты. И всех, кто находился сейчас на инопланетном корабле.

– Почему мальчишка в коме? – неожиданно спросил Коллинз.

И капитан с огромным трудом удержал разочарованное восклицание. А на лице – спокойное выражение. Он не хотел касаться этой темы, но майор оказался умнее, чем ожидал Линкольн, так что пришлось его поддержать:

– Это был следующий вопрос, которого я хотел коснуться.

– Признаться, я решил, что ты вколол Артуру какую-нибудь хитрую смесь.

– Нет, – покачал головой Линкольн. – Не было необходимости. Как я сказал, младший Баррингтон был на нашей стороне.

– А когда он отключился?

– После того как мисс Жарр положила компьютерную сеть инопланетян.

– И ты думаешь, что эти события связаны?

- Предполагаю, – уточнил капитан.
- Но это означает, что мальчишке вживили какое-то устройство, – произнёс Коллинз.
- Да.
- Однако проверить эту версию пока невозможно, – задумчиво сказал Райли. – Просветить его нечем, а голову вскрывать не хочется. – И оглядел собеседников. – Получается, в создании нейроинтерфейсов инопланетяне продвинулись намного дальше нас.
- И не только в нейроинтерфейсах, – буркнул майор.
- Тебя это удивляет? – хмыкнул Линкольн.
- Нет. – Райли прищурился. – Совсем нет.
- Вирус ударил и по системе, и по мальчишке, – произнёс Коллинз то, что его собеседники и так понимали.
- Это предположение меняет всё, – высказался Райли. – Одно дело аутист, который нашёл себе забавного собеседника из другой звёздной системы, и совсем другое – бывший человек, в голову которого внедрён инопланетный чип.
- Бывший человек?
- А как его ещё называть?
- Если вам интересно моё мнение, сэр, мы не можем доверять этому Баррингтону. А значит, и его сестре.
- Только не говорите, что его нужно устранить, – тихо попросил капитан.
- Пока не скажу, – мрачно пообещал Коллинз. – Но я понимаю, что могут возникнуть обстоятельства, которые потребуют его устранения.
- Мисс Баррингтон может не знать о переделанной голове брата. Мы сами лишь предполагаем подобную вероятность.
- Ты говорил, что она не дура, Исая.
- Долго, почти минуту, мужчины молчали, переваривая понимание того, что кому-то из них, возможно, придётся убить тринадцатилетнего мальчика, а кому-то, возможно, отдать на это приказ.
- Друг на друга они не смотрели.
- А затем Коллинз кашлянул и спросил:
- Получается, оба наших программиста ненадёжны?
- Получается, так.
- И вы всё равно возьмёте Сандру с собой?
- Без программиста моя затея ничего не стоит, – криво улыбнулся Райли. – Придётся рискнуть.
- Вы уж за ней присматривайте, сэр. И помните, что война – это путь обмана. Что бы она ни говорила, как бы себя ни вела, – она будет искать способ обмануть вас.
- Я знаю, – кивнул Райли. – Сандра, судя по всему, та ещё штучка.

Лондон, Великобритания 2028

Очень сильная вонь.

Как и многие домовладельцы, здешний хозяин экономил, дожидаясь жалоб жильцов, а они то ли ещё не почувствовали, что одна из канализационных труб подтекает, то ли не смогли убедить хозяина заняться ремонтом. Или принялись, так тоже бывает. В этом лондонском подвале очень сильно воняло, но Сандра почувствовала запах позже, много позже, когда выбралась из него и медленно пошла по улице, удивляясь тому, что ей удалось спастись. А когда удивление схлынуло, девушка почувствовала вонь. Сильнейшую, омерзительную вонь, вызывающую болезненные спазмы. Огляделась, пытаясь понять, откуда появился запах, но почти сразу догадалась, что от одежды. От её одежды, насквозь пропитавшейся вонючим лондонским подвалом.

...

– Папочка, у меня получилось!

– Не может быть.

– Честное слово. – Сандра повернула монитор к отцу. – Смотри сам!

Тот не заставил себя упрашивать, знал, что дочь не станет обманывать и уж тем более – выдавать желаемое за действительное. Раз сказала, что получилось, значит, так оно и есть. Константин поправил очки, несколько мгновений разглядывал продемонстрированные Сандрой данные, дошёл до последней строки – командной, на которой приветливо мигал курсор, предлагая ввести какой угодно приказ, вздохнул и покачал головой:

– Как тебе удалось?

– С твоей помощью, папа.

– Ой ли? – Он осторожно улыбнулся. – Ты ведь знаешь, что я не люблю присваивать чужие заслуги, и это... – Константин постучал пальцем по монитору. – Только твоя победа.

– Я знаю, – кивнула Сандра. – Но вдохновил меня ты, когда рассказал, чем реальный мир отличается от цифрового.

– Тем, что цифровой – полностью искусственный.

– Да.

– Всё цифровое – ненастоящее, создано из единиц и нулей, создано человеком. Каждая его деталь есть результат работы алгоритма, а значит...

– Мы способны менять цифровой мир по своему желанию, – закончила за отца Сандра. – Человек – часть реального мира и создатель цифрового. Всё, что состоит из единиц и нулей, может быть переделано или взломано. Это аксиома. Быть хакером – это уметь взламывать, быть гениальным хакером – понимать, что взламывать нечего, потому что всё вокруг открыто. Запретов не существует, потому что...

– Всё изначально создано. Нужно лишь разобраться, как это было создано.

Константин вновь улыбнулся. На этот раз тому, что они с дочерью понимают друг друга с полуслова. И верят в одно и то же. Сандра напоминала Константину его самого в юности, за тем лишь исключением, что дочь, как все современные подростки, была более смелой и дерзкой. А может, просто: как все подростки. Без уточнений.

Когда вся жизнь впереди, а мир видится открытой книгой, преград не существует. Главное – знания и вера в себя. И того, и другого у Сандры было хоть отбавляй, и результат не заставил себя ждать.

Константин знал, что его дочь – гений.

– Ты понимаешь, что сделала?

– Доказала уязвимость криптовалюты. – Девушка накрыла ладонью руку отца. – Папа, мы богаты, понимаешь? Я могу нарисовать любое количество любой валюты! И никто не сможет отследить её происхождение. Никто! – Сандра рассмеялась. – Давай создадим кошелек на первое время... Какая крипто тебе нравится?

Она потянулась к клавиатуре, но Константин остановил дочь и медленно произнёс:

– Ты доказала нечто другое, Сандра.

– Что же? – Девушка почувствовала тревогу в голосе отца и насторожилась.

– Ты доказала, что криптой можно управлять. – Он снял очки. Хотел протереть, но не сумел нащупать в кармане платок. Бросил очки на стол и сказал: – Крипта не уязвима, она контролируема. И этого нам не простят. – Пауза. – Нужно уезжать.

III

Он оказался прав во всём. Абсолютно во всём.

Из Франкфурта, где они жили три последних года, спешно поехали в Милан. По дороге Константин, нарушив данное умершей жене обещание, вернулся к старому: взломал сайт железных дорог и следующие билеты – в Париж – взял на чужие имена. Во Франции не задержались, вновь сменили имена и перебрались в Лондон. Здесь сняли квартиру, решив выждать пару дней, прежде чем отправиться дальше, но получается, недооценили преследователей. Действия Сандры не остались незамеченными, и по их следу направили опытных и умелых охотников.

Их настигли в Лондоне.

Константин получил две пули в грудь и одну – в голову, а Сандра благодаря счастливому стечению обстоятельств оказалась в тёмном подвале.

– Как же здесь воняет.

– Как на твоей кухне.

Убийц было двое, судя по выговору – албанцы. Как объяснил потом Амато, выследили их с отцом опытные спецы, сумевшие разобраться в устроенных Константином взломах и проследить до дешёвого дома в небогатом районе Лондона. А вот на завершающую стадию послали тупых, работающих «втёмную» исполнителей, решив, что они без труда справятся с «очкариком» и ребёнком. Но как это всегда бывает, желание сэкономить вышло боком. С другой стороны, заказчики были уверены, что крипто взломал Константин, и не особенно настаивали на смерти его дочери.

– Ты уверен, что она побежала сюда?

– Да... кажется.

– «Кажется»... – недовольно отозвался первый.

– Да не волнуйся, – хмыкнул второй. – Если не найдём эту, пристрелим какую-нибудь подходящую сучку и скажем, что всё сделали.

– Ты серьёзно?

– В морду выстрелим – и пусть потом разбираются.

Первый помолчал, переваривая предложение напарника, а второй продолжил:

– А может, сначала позабудемся? Ей ведь шестнадцать...

– Здесь есть второй выход. – Первый выругался. – Кажется, мы её упустили.

– Хреново, – расстроился второй албанец, который уже представлял, как позабудется с девочкой. – Пошли скорее, может, догоним.

Послышались удаляющиеся шаги, и только тогда Сандра поняла, что не дышала всё то время, что по подвалу ходили убийцы. Маленькая, худенькая, она ухитрилась закопаться

*в кучу мусора, сжалась в комочек и осталась незамеченной. Но даже теперь, услышав, что убийцы ушли, она не поднялась на ноги, а сжёжилось ещё сильнее и зарыдала.
Беззвучно.*

25.12.2036

Сначала Леди и Беспольный, потом – Диккенс...

Этих примеров ребятам оказалось достаточно для того, чтобы вернуться к нормальному общению с Баррингтонами. Столпотворения около них, разумеется, не случилось, но когда Анна ходила по ангару, то постоянно слышала слова ободрения и поддержки. Ребята спрашивали, как Артур, и желали ему выздоровления, и это... Это работало – слова придавали сил и подняли настроение. Анна стала разговаривать, улыбаться и перестала чувствовать себя одинокой. И уж тем более – отверженной. И ещё её очень обрадовала деликатность ребят, которые, спрашивая об Артуре, не начинали расспросы о том, что с ним случилось, понимая, как тяжело переживает девушка состояние брата. Спрашивали и сочувственно вздыхали. В душу не лезли.

Выспавшись, Анна наконец-то почувствовала голод, поела – Диккенс принесла её порцию, – вновь сходила в уборную, а когда вернулась, обнаружила, что вокруг её спального мешка расселась целая делегация: Октавия, Август и Конфетка. Потом увидела, что Диккенс уводит Баджи, и поняла, что предстоит разговор.

– Как погуляли? – Баррингтон видела, что Леди и Беспольный сначала сходили к пробояне, затянутой силовым полем – к «окну», из которого открывался вид на бесконечный космос, а затем плотно и довольно долго говорили с Конфеткой и Баджи. Как поняла Анна, в основном с Конфеткой. О чём был разговор, Баррингтон догадывалась, предполагала, что ОК захочет выступить «голубем мира», но не ожидала, что это произойдёт настолько быстро.

– Неплохо погуляли, – улыбнулась Октавия. – Узнали много интересного.

– Правда?

Анна уселась на свой спальник и улыбнулась Леди. На Сандру она подчёркнуто не смотрела. Во всяком случае, пока. Конфетка, в свою очередь, держалась спокойно и молчала, скорее всего – соблюдая достигнутую договорённость: ОК и Беспольный «топят лёд» и только потом позволяют ей вступить в разговор.

– Ты не удивилась, – заметила Октавия.

– Ожидала.

– Я так предсказуема?

– Ты... – Баррингтон удивлялась своему спокойствию. Она понимала, что рано или поздно разговор состоится, но была уверена, что сорвётся – раскричится на Сандру, а может быть, даже попытается её ударить. Но то ли отдых её успокоил, то ли присутствие Октавии подействовало, но Анна не чувствовала ничего, кроме лёгкой отстранённости, и была готова говорить. Неохотно, но говорить. – Ты не предсказуема, ты просто хорошо ко мне относишься... – Баррингтон выдержала коротенькую паузу и уточнила: – К нам. Ты хорошо относишься и ко мне, и к ней, и хочешь вернуть то, что было.

– Да, – не стала отнекиваться Леди.

– За это тебе спасибо.

Возникла короткая пауза. Все ждали от Анны продолжения, но его не последовало.

– И всё? – удивилась Октавия.

– Признаться, я не уверена, что сейчас разговор уместен, – честно ответила Баррингтон. – Мне нужно время, чтобы всё как следует обдумать.

– К сожалению, времени у нас нет, – подал голос Даррел.

– Почему? – не поняла Анна. – Миссия сорвалась, VacoomA повреждён, а значит, мы здесь застряли и располагаем массой времени.

– Мы здесь застряли, – согласился Август. – Но это не значит, что наше пребывание будет таким же монотонным, как раньше. Сейчас события начнут ускоряться.

– Уверен?

- Убеждён.
- И в каком направлении?
- Мы все ждали появления Райли, но то, как он решил появиться, никого не обрадовало, – вернула себе слово Октавия. – К сожалению, Аллан прибыл не чтобы спасти нас, а ради инопланетных технологий, а при удаче – самого корабля.
- Это правда? – тихо спросила Баррингтон.
- Не сомневаюсь в его целях, – твёрдо ответила Леди. – Он набил VascoomA учёными – это ещё можно понять, и военными – из-за которых и случилась катастрофа. – ОК помолчала. – Полагаю, ты это знаешь.
- Я это знаю, – не стала отрицать Анна. – Но откуда знаешь ты?
- Логика и... друзья. – Октавия улыбнулась Сандре.
- Баррингтон выдержала паузу, после чего – впервые с начала разговора – посмотрела на Конфетку.
- Почему ты им рассказала?
- Потому что на кону наши жизни, – пожалала плечами Сандра.
- Ты боишься?
- Потихоньку начинаю.
- Я думаю, все сейчас боятся, – мягко поддержал Конфетку Даррел. – Или начинают бояться – если раньше мозгов не хватило.
- И ты боишься? – Анна в упор посмотрела на Беспольного.
- Да, – сказал Август, отвечая на взгляд. – И мне не стыдно.
- С каждой секундой надежда на возвращение истончается, – грустно произнесла Октавия. – И чем дальше мы будем от Земли, тем больше будет отчаяния.
- Не слишком ли сильное слово – отчаяние?
- Оно в полной мере отражает происходящее, – уверенно ответила Октавия. – Приключение на инопланетном корабле – это здорово, будет о чём рассказать, но все хотят домой – туда, где будет кому рассказывать о приключении. Мы долго держались, потому что нам было чего ждать и на кого надеяться, но скоро до всех дойдёт, что спасательная миссия провалилась, Райли оказался в той же ситуации, что и мы, и спасения нет...
- Я поняла, поняла, – перебила её Анна. – Но как всё это связано с вашим предложением?
- Нельзя терять ту сплочённость, которая у нас появилась. Я понимаю, тебе сейчас трудно, но ты – один из лидеров нашего общества. И если ты уйдёшь в сторону, вылезет Пятый или, что ещё хуже, Хиллари.
- Какая разница?
- Они будут делать всё, что велит Райли, а нам нужно отстаивать свои интересы.
- Они у нас есть?
- Да.
- И какие?
- Мы хотим домой.
- Все хотят домой. Только Райли хочет вернуться домой с богатым призом.
- И он готов на любой риск.
- Согласна.
- И нужно дать ему понять, что мы не хотим, чтобы он рисковал нами. Если мы покажем себя послушной или аморфной массой, они будут принимать решения, не спрашивая нас.
- А так спросят?
- Им придётся.
- Это важно?
- Важно, – серьёзно подтвердила Октавия. – Они поймут, что мы можем не согласиться.

– Допустим, не согласимся, и что? – Анна по очереди оглядела Леди, Бесплезного... помедлила... и посмотрела на Сандру. – Что мы сможем сделать?

– Зависит от того, с чем мы будем не согласны.

Они предлагали понятную и, наверное, правильную вещь: создать, а точнее – не позволить исчезнуть активному ядру, вокруг которого спланивались ребята. И продолжат спланиваться. Сначала вернутся те, кто поддерживал Анну раньше, потом подтянутся колеблющиеся. Обязательно подтянутся, поскольку Баррингтон знали и верили ей, поскольку Анна славилась умом и рассудительностью, помогала всем, кто просил о помощи, и не боялась отстаивать права ребят перед Линкольном. Леди и Бесплезный вовремя подставили ей плечо, и дело оставалось за малым: уговорить Анну вернуться в игру.

– Зачем вам это? – поинтересовалась Баррингтон. – Вас уже трое, а с Баджи – четверо. Достаточно, чтобы сформировать группу.

– Нет, недостаточно.

– Почему?

– Потому что ты... – Бесплезный бросил взгляд на Октавию, дождался одобрительного кивка и продолжил: – Наш с Леди авторитет базируется на достижениях, а твой – на человеческих качествах. Ты – хорошая. Нравится тебе это или нет, но ты – хорошая. Ребята это чувствуют и тянутся к тебе. И мы к тебе тянемся, Анна. И мы хотим, чтобы ты была с нами.

– Я – отличное знамя, – улыбнулась Баррингтон.

– Нет, ты просто хороший человек. И ты всё равно не усидишь на месте. – Август прищурился. – Я это знаю, и ты это знаешь, Анна. В какой-то момент тебе не понравится, что происходит вокруг, и ты начнёшь действовать. Это обязательно случится.

И он был прав. Абсолютно прав – так будет. Она не усидит на месте, но выступать лучше во главе сторонников – так её точно услышат, а потому – почему бы не принять предложение старых друзей?

– Мы договорились, – тихо произнесла Баррингтон.

– Спасибо.

– На самом деле – вам спасибо. – Анна помолчала. – Но я всё равно не понимаю, почему вы не пришли одни?

И снова смотрит только на Октавию и Даррела.

– Потому что помимо общего дела у нас есть общая тайна, – ответила Леди.

Баррингтон вздрогнула и скривила губы:

– Она вам рассказала?

– Я не идиотка, – бросила Сандра.

– На самом деле это моя вина, – поспешила вернуться в разговор Октавия. – Анна, пожалуйста, поверь: я не следила и не хотела подслушивать, но когда вы говорили с Артуром, один из микродронов оказался поблизости и записал часть разговора. Если что – я его уже стёрла.

– Но сначала ты дала его послушать...

– Другу и подругам, – Леди мягко перебила Баррингтон. – Я не собираюсь оправдываться, но прошу учесть, что я, мягко говоря, была в шоке от услышанного. И это очень мягко говоря.

Несколько секунд Анна молчала, затем вздохнула.

– Я понимаю. – И посмотрела на Сандру. – Ты им всё рассказала?

– Я знаю не очень много. Только то, что Артур как-то связан с инопланетянами. – Конфетка выдержала взгляд Баррингтон. – Детали известны только тебе.

Сандра знала больше, чем «не очень много», но дала понять Анне, что скрывает основную информацию от друзей – потому что некоторые скелеты должны оставаться в шкафах как можно дольше, в идеальных случаях – навсегда. Сандра это понимала и потому промолчала, а вовсе не для того, чтобы наладить отношения с Баррингтон. Которые имеет смысл прояснить прямо сейчас.

– Вы позволите нам поговорить наедине? – спросила Конфетка, продолжая смотреть на Анну.

– Да, – поколебавшись, сказала Баррингтон. – Пожалуйста.

Леди и Беспольный переглянулись, после чего медленно поднялись на ноги:

– Конечно.

...

Важность этих встреч подчёркивалась тем, что они никогда не проходили в режиме онлайн. Разумеется, те участники, которые не могли присутствовать по уважительным причинам, подключались к разговору удалённо, но остальные приезжали к президенту России в обязательном порядке – Емельянова хотела лично видеть и слышать тех, кто с самого начала был вовлечён в происходящее и все последние дни работал только над проблемой «Чайковского».

– Когда восстановят связь? – сухо спросила президент после того, как участники совещания расселись за столом.

– Непредсказуемо, – ответил адмирал Касатонов. – Может, через четверть часа, может, завтра утром.

– Это нормально?

– С точки зрения людей, привыкших, что Сеть никогда не падает – нет, не нормально. В космосе такое бывает.

Емельянова ответила адмиралу тяжёлым взглядом и поинтересовалась:

– Ты думал, что я спрашиваю как человек, привыкший к устойчивой связи?

Касатонов порозовел, отвёл взгляд, но через мгновение опомнился и устался на Емельянову:

– Прошу прощения, госпожа президент. Я выразился некорректно. Я хотел сказать, что в космосе, к сожалению, бывают проблемы с передачей сигнала.

– То есть мы не считаем, что проблема вызвана действиями инопланетян?

– Уверен, что нет, госпожа президент.

– На меня давят, – мрачно произнесла Емельянова. – Возможность захватить корабль пришельцев сводит политиков с ума, а при мысли, что его захватим мы, они звереют.

– К кораблю отправился Райли, – напомнил Марк Штерн, помощник президента.

– На какое-то время это их успокоило, – признала Емельянова. – Но теперь они снова заседают.

– Боятся, что мы заберём приз?

– Они бы поступили именно так, вот и меряют всех по себе.

– Сейчас это не важно. Важно то, что любая пауза мне мешает.

– Все они прекрасно знают, что в космосе случаются проблемы со связью.

– Знают, но не собираются в этом признаваться. Они видят только то, что им выгодно.

И помнят только о том, что им выгодно.

– Алексей, я это вижу каждый день.

– Извините, госпожа президент.

Емельянова улыбнулась, показав, что замечание было не то чтобы серьёзным, и вздохнула:

– Они ведут себя так, будто мы уже взяли корабль под контроль. И не хочу даже думать о том, что будет, если у нас получится.

– Цивилизация совершит невероятный рывок, – негромко произнёс Штерн. – Сравнимый с тем, который случился в XIX веке.

– Но вначале будет грандиозная драка за ресурсы, дающие возможность этот рывок совершить.

– Надеюсь, здравый смысл возобладает и в выигрыше окажется всё человечество.

– Человечество – это просто слово, – негромко заметил Козицкий, самый незаметный участник совещания.

– Миллионером стал Генри Форд, но благодаря его конвейеру машины стали доступны миллионам простых людей.

– Этот спор не имеет смысла, – недовольно произнесла президент. – Научно-технический прорыв, который мы совершим, если заполучим технологии инопланетян, это и огромные деньги, и власть. Все это понимают и готовы драться. И мне... – Емельянова вздохнула. – Мне начинает казаться, что лучше бы корабль не прилетал. Мы бы всё равно отправились к звёздам, но сами: постепенно додумались бы до нужных технологий и вышли в большой космос. Причём вышли бы те, кто придумал... – Она бросила быстрый взгляд на Штерна: – Вышел бы тот, кто придумал конвейер, а не воспользовался идеей Форда.

Марк опустил голову.

– Ещё ничего не решено, госпожа президент, – заметил Козицкий, разглядывая пуговицы на рукаве пиджака.

– Да, не решено. Я знаю, что контроль над кораблём – мечта. И не факт, что мы сумеем её осуществить.

– Насколько я могу судить, госпожа президент, мы говорим о боевом корабле...

– Откуда такой вывод?

– Он явно не в порядке, – ровным голосом ответил Козицкий. – И был не в порядке до того, как мы вывели из строя его компьютерную систему. А теперь вспомните, как инопланетяне среагировали на приближение VascoomA с десантом на борту.

– Агрессивно.

– А как реагируют терпящие бедствие суда на приближение тех, кто может им помочь?

– С благодарностью.

– И только военные, у которых на борту оружие и секретные документы, не подпустят спасателей, даже если будут умирать. Это первое правило, госпожа президент: боевой корабль не может оказаться в чужих руках.

Несколько мгновений присутствующие обдумывали заявление Козицкого, после чего Касатонов покачал головой:

– Они знают, что мы не в состоянии им помочь. И не захотели, чтобы мы забрали корабль. Возможно... точнее, наверняка, он чья-то частная собственность, и хозяева предусмотрели протокол действий при попытке захвата.

Если у дознавателя и была своя версия, озвучивать её он не стал, не желая затевать спор на пустом месте. Вместо этого вяло улыбнулся ногтям своих больших пальцев и продолжил:

– Правду, надеюсь, мы узнаем чуть позже. Но в любом случае, космический корабль очевидно имеет высокую ценность... в денежном выражении... – Козицкий решил выразиться чуть иначе. – И существует высокая вероятность того, что в настоящий момент владельцы ведут активный поиск исчезнувшей собственности.

– Гм...

– Э-э...

– Чёрт...

Если судить по коротким репликам, никто, кроме Козицкого, об этом не подумал.

– А значит, существует вероятность, что владельцы обнаружат свою собственность и явятся за ней.

– Не хотелось бы, – выдохнул Касатонов. – С ними нам точно не совладать.

Военный всегда будет в первую очередь предполагать худшее – что незваные гости поведут себя агрессивно. Следующее заявление – от Штерна – прозвучало намного оптимистичнее:

– Если за кораблём явятся хозяева, то это хорошо – будет с кем договариваться.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла президент.

– Только то, что до сих пор мы не смогли выйти с пришельцами на диалог. Возможно, потому, что они не имеют на то полномочий. И появление хозяев корабля поможет начать нормальный переговорный процесс.

И Марк улыбнулся так, что стало абсолютно ясно, что лично он охотно примет в нормальном процессе участие, ради чего готов лететь хоть на Луну, хоть на Марс.

– Хозяева за кораблём ещё не явились, – улыбнулась Емельянова. – Но Козицкий прав: нужно держать в голове возможность их прибытия.

– И возможность того, что они просто заберут свою собственность и улетят.

– Это может стать прекрасным выходом из положения.

– С политической точки зрения – да: страсти улягутся, все опомнятся, при этом поймут, что, несмотря на выкладки Теории относительности, межзвёздные полёты возможны, и серьёзно примутся за исследования.

– Хотелось бы полететь в дальний космос раньше, чем через пару-тройку поколений. – Судя по замечанию, Касатонов уже мысленно считал корабль своим.

Впрочем, не он один.

Успех первой части миссии, то есть благополучный прилёт Аллана Райли на инопланетный корабль, многим вскружил голову. Люди, даже здравомыслящие, отказывались понимать разницу между «прилетел» и «захватил», грезили путешествиями к звёздам и не сомневались, что через пару-тройку дней директор «Vasoom Inc.» доставит добычу на орбиту Земли. Затем корабль очень быстро изучат – ведь в фантастических блокбастерах всё происходит очень быстро, – и уже к лету любой желающий сможет приобрести недорогой тур к Альфе Центавра. Люди принялись мечтать, не желая задумываться над тем, что миссия, едва начавшись, почти провалилась и в любом случае далека от завершения.

– Будем решать проблемы по мере поступления, – произнесла президент, оглядев не в меру оптимистичных помощников. И улыбнулась, услышав сообщение секретаря, что связь с «Чайковским» восстановлена.

///

– Надеюсь, мы вас не слишком задержали? – с улыбкой поинтересовался Райли, усаживаясь перед видеокамерой справа от Линкольна. – Если да, то прошу прощения.

– Все не задержали, Аллан, – спокойно ответила президент. – Нам было о чём поговорить.

– Догадываюсь.

– Здравствуйте, – вежливо произнёс Линкольн, глядя прямо в объектив. – Очень рад, что связь восстановилась, и пока она не прервалась, позвольте поздравить вас с наступившим Рождеством.

Несколько неожиданное начало заставило русских переглянуться, после чего Емельянова вежливо ответила:

– Спасибо.

– А мы вас поздравим чуть позже, – добавил адмирал Касатонов. – От себя.

Марк хмыкнул. И даже Козицкий растянул губы в подобии улыбки.

– Хорошая шутка, – оценил Райли.

– Ну, у тебя не получилось сотворить чудо, посмотрим, сможем ли мы.

– А сколько до вашего Рождества? – неожиданно спросил капитан.

– Две недели, – машинально ответил Штерн.

– Чуть меньше, – уточнил Касатонов.

– А как так получилось? – удивился Линкольн.

Русские вновь замолчали. Однако на этот раз в их молчании недоумение читалось настолько отчётливо, что Райли не выдержал и поинтересовался:

– Тебе правда интересно?

– Просто спросил, – опомнился капитан. И перешёл на деловой тон: – Хотел сказать, что за две недели мы уйдём очень далеко и не сумеем вернуться, даже если починим VasoomA. Так что хотелось бы получить ваше чудо чуть раньше. Экспресс-доставкой.

– Чудо потому и называется чудом, что помогает в, казалось бы, безнадежных ситуациях, – мягко сказала Емельянова. – Но мы посмотрим, что можно предпринять для его ускорения.

– Спасибо.

– Если серьёзно, то чудо нам пригодится, – вернулся в разговор Райли. – Мы уже так далеко от Земли, что сможем вернуться только в том случае, если нас встретят.

– Но ведь это возможно?

– Возможно, – кивнул Райли. – Пока.

– Сколько времени у нас есть? День? Два?

– Не более.

– Если скорость и направление инопланетного корабля не изменятся, то у вас есть двое суток, чтобы его покинуть, – доложил Касатонов.

– А что потом? – спросил Марк.

– Потом мы сможем вернуться только на самом корабле, – улыбнулся Райли.

– Это возможно?

– Мы над этим работаем.

Планируя экспедицию, директор «Vasoom Inc.» не скрывал, что его главная цель – попытка захвата инопланетного корабля. Состав миссии полностью соответствовал задаче, но оказанное инопланетянами сопротивление могло спутать Райли карты, и потому следующий вопрос был вполне логичен:

– Потери велики? – тихо поинтересовалась Емельянова.

– У Коллинза в живых осталось шестеро парней, – коротко ответил директор «Vasoom Inc.». – И два инженера из группы учёных. Ещё я и Перес с Микшей.

Линкольн хотел что-то сказать, но смолчал. Понял, что не сможет. Он знал, что на VasoomA летело двадцать три человека, включая членов экипажа. Двадцать три. А выжили двенадцать.

– Экипаж уцелел, – сообщил Аллан. – Капитан Перес и бортинженер Микша уже приступили к ремонту клипера, им помогает кадет Вагнер. По предварительным оценкам, основные системы корабля не повреждены, ремкомплекты есть, нужные запчасти тоже, а если чего не хватит – снимем с «Чайковского».

– Сколько времени потребуется на восстановление VasoomA?

– Сутки. Может, чуть больше.

– То есть вы успеваете?

– Вполне.

– Мистер Райли, если я правильно помню, в настоящий момент ваш клипер находится в таком же ангаре, как и «Чайковский»? – подал голос Козицкий. Спросил привычным блёклым голосом, полностью соответствующим блёклой внешности, и привычно не глядя в объектив. На этот раз дознаватель разглядывал карандаш.

– Совершенно верно, – подтвердил Аллан.

– То есть, даже приведя VasoomA в порядок, вы не сможете самостоятельно покинуть корабль?

– Спасибо, что напомнили, – язвительно произнёс Райли.

– Я просто уточнил, ничего больше.

– Да, не сможем.

Штерн глубоко вздохнул, открыл рот, намереваясь вступить в разговор, но замолчал, перехватив выразительный взгляд президента.

– Вам нужно, чтобы системы инопланетного корабля заработали в штатном режиме.

– Это будет означать, что компьютер пришельцев восстановился, – улыбнулся Райли.

– Инопланетяне могут вас атаковать?

– Они скорее всего нас атакуют.

– Это я и имел в виду, мистер Райли. – Козицкий устался на угол своей старой, потёртой папки для бумаг, с которой никогда не расставался. – Мы оказались в классическом цугцванге.

– Есть один ход, который выведет нас из него.

– Взять корабль под контроль?

– Взять корабль под контроль, – подтвердил директор «Vasoom Inc.». – То, что раньше было для нас желаемым результатом, теперь становится единственно возможным выходом из положения. Только так мы сможем спастись. Я планирую воспользоваться тем, что компьютерная система инопланетян не работает, и добраться до рубки управления.

– Если она существует, – заметил Касатонов.

– Что ты имеешь в виду?

– Насколько я помню, было высказано предположение, что корабль инопланетян – автоматический.

– Я надеюсь, в нём предусмотрена рубка управления на тот случай, если на корабле появится экипаж.

– А если вы ошибаетесь?

– Я предполагаю, что мы находимся на военном корабле...

Президент бросила на Козицкого быстрый взгляд, но промолчала. А дознаватель в лице не изменился – как разглядывал свою старую папку, так и продолжил её разглядывать.

– А на военных кораблях должны быть предусмотрены и места для размещения личного состава, и что-то вроде штабного помещения для командования.

– Будем называть это «что-то» рубкой управления.

– Я не против, – улыбнулся Райли.

– Предположим, ты до неё доберёшься, но что ты будешь делать дальше? – спросил Касатонов. И тут же уточнил: – Пойми меня правильно, Аллан, я совсем не против твоей идеи... Наоборот: я – «за», обеими руками «за». Но ты сам сказал, что выжили инженеры, а в рубке управления тебе понадобятся другие специалисты.

– У нас есть два программиста.

– Одна из них подозревается в сотрудничестве с самым опасным террористом современности, а второй – аутист и, судя по всему, как-то связан с инопланетянами.

– И ещё Артур в коме, – не стал скрывать Аллан.

– Великолепно, – подытожила президент и посмотрела на Козицкого. – Что скажешь?

– Мисс Жарр для меня по-прежнему «тёмная лошадка», – честно ответил дознаватель, изучая циферблат своих недорогих наручных часов. Старомодных. – Я не могу прогнозировать её действия.

– Она несёт угрозу для нас?

– У меня есть основания полагать, что мисс Жарр и её... сообщники не будут действовать в интересах инопланетян. Между ними и нами они выберут человечество.

– Не ожидал от вас подобного пафоса, – с ненаигранным удивлением произнёс директор «Vasoom Inc.».

– Мы рассматриваем конкретную ситуацию, мистер Райли, – объяснил Козицкий.

– Ей можно доверять?

– Нет.

– Тогда почему бы её не арестовать? – Касатонов изумлённо поднял брови.

– Потому что другого нужного мистеру Райли специалиста у нас нет. Кроме того, мисс Жарр уже выступила против инопланетян, что не позволит ей рассчитывать на их дружелюбие.

– Мы тоже так думаем.

– Может, предложить ей помилование? – протянула Емельянова. – Это сделает девушку более лояльной?

Дознаватель промолчал, пальцем рисуя на столешнице что-то невидимое, но, кажется, абстрактное.

– Козицкий?

– Очень мало информации, госпожа президент, – мгновенно ответил дознаватель, не отрываясь от своего занятия. – Я не возьму на себя ответственность делать выводы на основе скудных данных, но не уверен, что мисс Жарр можно купить помилованием. Зато мы покажем, что нам известно о её связи с Краузе.

Линкольн и Райли переглянулись.

– Я не знаю, на что могут пойти сообщники мисс Жарр, если поймут, что мы их ищем, поэтому рекомендую пока не трогать девушку. Кроме того, она является моей единственной ниточкой к Краузе.

– Ты сможешь его найти?

– Я собираюсь его найти, госпожа президент.

– Прекрасно. В таком случае вы знаете, что делать, господин Козицкий.

– Да, госпожа президент.

– Аллан?

– Я возьму Сандру с собой, госпожа президент. И буду тщательно за ней присматривать.

– Если потребуется, вы можете предложить ей моё помилование, Аллан. Полный иммунитет от обвинений в любых преступлениях, которые она совершила до того момента, как вы предложите ей помилование.

– Это очень щедро, госпожа президент.

– У вас ведь нет другого программиста?

– Нет.

– Значит, вы можете заплатить любую цену.

– Я понял, госпожа президент. А что делать с мальчишкой?

– Вы уверены, что Артур Баррингтон связан с инопланетянами?

– Да.

– Он им подчиняется или пытается сотрудничать?

– Он – аутист. Мы понятия не имеем, на каких условиях он сотрудничает с инопланетянами. И понимает ли он, что сотрудничает с ними.

– Что будет, когда он очнётся?

– Можно только догадываться.

– Капитан?

– Я за ним присмотрю, – пообещал Линкольн.

– В таком случае, совещание окончено. Мы знаем, что нужно делать, а что касается вас, Аллан... Совершите чудо. Пусть не к своему Рождеству, а к нашему, но всё равно совершите. Это нужно всем нам.

– Я постараюсь, госпожа президент.

– И да поможет вам Бог, Аллан. Я жду вас на Земле, и только посмейте не вернуться – найду где угодно.

Райли рассмеялся и отключил связь.

...

Разумеется, Октавии и Даррелу было очень интересно, о чём собираются говорить Баррингтон и Сандра, однако к просьбе девушек оставить их наедине ребята отнеслись с пониманием. Отошли, но не ушли, расположились метрах в десяти, наблюдая за тем, чтобы сложному разговору никто не помешал.

– Мне показалось, что мы решили все вопросы, – прохладно произнесла Анна, буравя Конфетку взглядом.

Баррингтон специально выбрала такое вступление – решила показать, что не сильно заинтересована в разговоре, однако смутить Конфетку не сумела. И подумала, что девушку, которая долго притворялась девочкой, смутить, кажется, вообще ничего не способно.

– Мы решили вопросы, которые важны для всех, – хладнокровно ответила Сандра. – А теперь необходимо уладить наши личные дела.

– У нас нет личных дел.

– Есть, и ты это прекрасно знаешь. Ты приняла произошедшее очень лично.

В первое мгновение Анна опешила от такой наглости. Она приняла произошедшее «очень лично»?! А как она ещё могла его принять? Радостно и со смехом?

Вот сейчас ей захотелось Сандру ударить. Сильно. До крови.

Но сдержалась.

Огромным усилием воли Баррингтон взяла себя в руки и ровным голосом произнесла:

– Не вижу ничего удивительного в том, что я восприняла случившееся очень лично: пострадал мой брат.

– Но я ведь не знала, что так получится! – воскликнула Конфетка и тут же прикусила язык.

– Не кричи, – попросила Анна, заметив, что громкий голос в очередной раз привлёк внимание окружающих.

– Извини. – Сандра вновь понизила голос. – Я ведь понятия не имела, что Артур настолько сильно связан с компьютерной системой станции. Я была уверена, что он общается с инопланетянами через смартплекс, а значит, вирус ему не повредит. Ну, то есть может затронуть смартплекс, но не его. Всё, что произошло, стало для меня полной неожиданностью...

Конфетка говорила быстро и очень убедительно, смотрела Баррингтон в глаза, взгляд не отводила, не поверить ей было невозможно, но при этом девушка... лгала. Смотрела в глаза и лгала. Взломав смартплекс Артура, Сандра, в числе прочего, отыскала на нём видео с мёртвым мальчиком – Артур не пережил встречи «Чайковского» со станцией. Во время катастрофы ему раскроило череп, и Конфетка догадывалась, каким способом инопланетянам удалось его оживить. Но всё равно написала и запустила в Сеть вирус – ударила по Баррингтону, спасая Райли и команду VascoomA.

– Ты не знала, и что? – спросила Анна. – Что бы изменилось, знай ты о подключении Артура?

И тем подтвердила то, о чём Сандра догадывалась: содержимое головы младшего Баррингтона оставалось человеческим лишь частично.

– Ты права, – медленно ответила Конфетка. – Я не знаю, повлияло бы знание на мои действия, и не хочу об этом говорить, потому что сейчас это не имеет значения: что было, то было. Я хочу сказать, что не знала, понимаешь?! Я не знала!

– Не кричи, – повторила Баррингтон.

– Прости. – На глазах Конфетки выступили слёзы. – Прости меня...

– Это из-за тебя Артур в таком состоянии, – глухо сказала Анна. – Ты его ударила.

– А ты попросила брата спасти Райли. Из-за тебя он полез в Сеть.

– Я не могла позволить Райли умереть.

– Я тоже.

– Ты... – Анна хотела продолжить, но замолчала, потому что поняла, что крыть ей нечем.

Да, она умоляла брата спасти команду VascoomA, но Сандра делала то же самое – спасала.

Потому что Артур не справлялся. Анна ни за что бы в этом не призналась, но отдавала себе отчёт в том, что брат не справлялся. Он протащил VascoomA на станцию, но не защитил от расстрела, а Сандра – защитила. Закончила работу, которую начал Артур, потому что в противном случае пришельцы перебили бы всех. И, возможно, самого Артура – за то, что помог тем, кого они считали врагами. Это Анна тоже понимала.

Но пока не была готова вести с Конфеткой задушевный разговор.

– Если это всё, то можешь уходить.

Но она действительно не на ту напала.

– Думаю, Артур придёт в себя, – продолжила Сандра таким тоном, словно не услышала просьбы убираться.

Несколько мгновений Анна молчала, после чего тихо, но очень твёрдо ответила:

– Я в это верю.

– Вера – это хорошо, – кивнула Конфетка. – Но я успела оценить архитектуру их компьютерной сети и хочу сказать, что это нечто грандиозное. Нам до них далеко. До сих пор удивляюсь тому, что сумела завалить такую мощную систему.

– К чему ты клонишь? – выдержав короткую паузу, спросила Баррингтон.

– Я долго думала о том, почему Артур среагировал на мой вирус, – мягко произнесла Сандра. – И нашла только одно правдоподобное объяснение: он выходил в Сеть не с помощью смартплекса, а через другое устройство. Возможно – вживлённое. Возможно – в его голову.

– Слишком много «возможно», – едва слышно ответила Анна.

– То есть я права?

Молчание.

– Да?

Молчание.

– Очень многозначительное молчание, – не удержалась от комментария Конфетка.

– Думай, что хочешь.

– Важно не то, о чём думаю я, а то, о чём думают они. – Сандра кивнула на «Чайковский», в котором сидели Райли и Линкольн. – Ты ведь понимаешь, что они подозревают? Во всяком случае – капитан. А он обязательно поделится подозрениями с Алланом. Что произойдет дальше, предсказать несложно: какое-то время они будут внутренне противиться этому выводу, поскольку он действительно фантастический, но долго это не продлится. В конце концов, мы на инопланетном космическом корабле, детка, и самые фантастические выводы здесь – повседневная обыденность. В какой-то момент они сообразят, что в голову твоего брата вшит инопланетный компьютер, после чего Артур навсегда потеряет свободу. Ты ведь умная, Анна, ты это понимаешь. Ты сильно расстроена, поэтому перестала думать, но пора начинать, потому что кома Артура долго не продлится. Я сумела положить Сеть, но не уничтожила её. Выражаясь языком нашего доброго приятеля Бесплезного, отправила её в нокдаун, но не в нокаут. Система восстановится. Через час или день, но восстановится, и Артур придёт в себя.

– Хорошо, – машинально улыбнулась Анна.

– Согласна – хорошо, – поддержала её Сандра. – Но что дальше? На чьей стороне окажется Артур?

– На...

И Баррингтон запнулась. Увидела грустную улыбку Конфетки и покачала головой, признавая, что вопрос действительно важный. И ответить на него чрезвычайно сложно.

– Не думала об этом?

- У меня не было твоей уверенности насчёт выздоровления Артура, – объяснила Анна.
- Теперь есть?
- Теперь есть.
- Значит, пора думать над тем, что будет дальше...

Разговор затягивался, но к ним по-прежнему никто не подходил: ребята видели, что девушки сильно увлечены, а вернувшуюся Баджи перехватил Беспольный и попросил подождать окончания в их с Октавией компании.

– Рассмотрим случай, который ты наверняка считаешь идеальным: компьютерная система инопланетян приходит в себя, возвращает себе контроль над станцией, проявляет снисхождение и возвращает нас на Землю тем или иным способом: или подбрасывает до орбиты, или запикивает всех в VascoomA и выталкивает в космос.

– Хороший вариант, – оценила Анна.

– Самый плохой для тебя.

– Почему?

– Во-первых, мы не знаем, в качестве кого инопланетяне воспринимают Артура. Возможно, как свою собственность, а значит, могут просто-напросто не отпустить его.

Баррингтон побледнела.

– Не думала об этом?

– Нет.

Судя по тону и изменившемуся выражению лица – действительно не думала, полностью поглощённая свалившимся на неё горем.

– Во-вторых, даже если инопланетяне отпустят Артура, его тут же прихватят Райли и компания, чтобы изучить то, что спрятано в голове твоего брата.

– Ты им расскажешь?

– Ещё раз: они не дураки. Догадаются.

– А если нет?

– А если нет, то Артура сдаст первая же «рамка» безопасности в любом аэропорту.

– А если нет?

– Не будь ребёнком. – Сандра покачала головой. – Анна, ты ведь умная, ты понимаешь, что я права.

Баррингтон снова вздохнула. Помолчала и спросила:

– Теперь говори, почему тебе всё это интересно. Почему для тебя так важно договориться?

– Потому что я проникла на «Чайковский» нелегально, – рассказала Конфетка. – Я – хакер.

– Хороший?

– Отличный. Чтобы оказаться на Луне, я взломала «Vascoom Inc.», и никто этого не заметил.

– Насколько я понимаю – заметили.

– Не заметили. Меня вычислили только потому, что началось расследование. Не будь его, я бы слетала на Луну и исчезла.

– Ты крутая?

– Очень.

– Много натворила?

– К сожалению.

– Но ведь ты не просто так на них работаешь? – медленно произнесла Анна. – Тебя пообещали амнистировать?

– Да.

– Тогда что тебя беспокоит?

– Я не всё рассказала, – улыбнулась Сандра. – И боюсь, что некоторые... поступки, которые я успела совершить, не попадут под амнистию.

– Даже так?

– Я пришла, чтобы сказать, что мы с Артуром, а значит – с тобой, в одной лодке. И нам нужно крепко подумать над тем, на каких условиях мы вернёмся домой.

Конфетка начала подниматься, но Баррингтон её остановила:

– Если мы в одной лодке, то скажи, что за серьёзное преступление ты совершила.

– Не связанное с насилием, – сухо ответила Сандра.

– Ты воровка?

Пауза. Девушки смотрят друг другу в глаза.

– Я верю в то, что делала, и верю до сих пор, – произнесла Сандра так, словно это всё объясняло. – Когда они узнают обо мне всё, то потребуют предать тех, кого я люблю. А мне... мне бы этого не хотелось. И я постараюсь этого не допустить.

– Они узнают?

– Обязательно.

– Узнают то, что ты им не рассказала? Несмотря на то, что ты такая крутая?

– По моему следу идёт очень сильный и очень опытный охотник.

Конфетка поднялась и пошла прочь. Не стала переспрашивать Анну, договорились ли они. Сейчас ей было достаточно тех сомнений, которые она зародила в душе Баррингтон.

Или усилила.

И об охотнике Сандра тоже не думала. Просто знала, что он придёт.

...

– Козицкий!

– Да, госпожа президент?

– Ни о чём не хочешь рассказать?

Дознаватель помолчал, несколько раз провёл пальцами правой руки по старой кожаной папке, которая лежала перед ним на столе, поднял голову и посмотрел Емельяновой в глаза. Всем, кто знал Козицкого, этот жест показался бы не просто неожиданным – невероятным. Все, кто знал Козицкого, были уверены, что дознаватель никогда не смотрит не то что в глаза, а даже просто на людей, куда угодно, только не на людей. Все они были бы сейчас безмерно удивлены: все те, кто не знал Козицкого, а был с ним знаком. А вот люди, которые действительно знали Козицкого, не удивились бы, потому что им он всегда смотрел в глаза. Может, не при посторонних, но наедине – обязательно. И потому Емельянова спокойно выдержала взгляд дознавателя и чуть приподняла брови:

– Что не так с Краузе?

– Вы догадались?

– Я – президент, мой дорогой, я не могу позволить себе быть душой.

– Вы никогда ею не были.

– Тебе не идёт быть льстивым.

Это была шутка, поэтому Козицкий улыбнулся. По-настоящему улыбнулся, а не растянул губы в дежурной светской гримасе, чуть склонил голову, показав, что понял всё правильно, и, продолжая улыбаться, негромко произнёс:

– К сожалению, с Краузе почти всё не так.

– Что ты имеешь в виду? – Емельянова стала очень серьёзной.

– Вам не докладывали?

– Мясник Краузе – опасный террорист, но для их нейтрализации у нас в стране существуют соответствующие службы.

– Полностью с вами согласен, госпожа президент. Вам нет никакой необходимости забивать голову ненужными подробностями.

– Рассказывай, что натворили мои спецы?

– Не только ваши, госпожа президент. Гораздо больше неприятностей Краузе доставил англосаксам, а поскольку они никак не могли его достать, то решили замазать грязью и кровью.

– Чтобы лишить поддержки?

– И получить карт-бланш на любые действия.

Президент тихо вздохнула, на мгновение закусила нижнюю губу – Козицкий прекрасно знал этот жест – и негромко, но очень твёрдо спросила:

– Ты уверен в том, что говоришь?

– Абсолютно.

– Краузе не преступник?

– Преступник, и убеждённый, Краузе – высокомотивированный противник существующего порядка вещей, враг всех играющих не по правилам транснациональных корпораций. Но он не творил те злодеяния, за которые журналисты его прозвали Мясником.

– Понятно. – Емельянова помолчала. – Он знал, на что шёл, когда связывался со спецслужбами.

– Я знаю, госпожа президент.

Дознаватель не был ангелом, но грязных методов старался избегать, предпочитая вскрывать преступников с помощью ума и логики. И поэтому Емельянова поставила Козицкого во главе расследования: ей требовался не просто результат, а доскональное выяснение обстоятельств произошедшего.

– То, что ты узнал о Краузе, нам поможет или помешает?

– Я буду об этом думать, госпожа президент, – ушёл от ответа дознаватель. – С одной стороны, их щепетильное отношение к насилию и уважение к человеческим жизням позволяет надеяться на то, что террористы будут принимать решения в пользу пассажиров «Чайковского». Или во всяком случае учитывать их интересы. С другой – совершенно понятно, что Краузе взбешён проявленной нами подлостью и не испытывает никакого желания сотрудничать.

– И ты сказал, что ни его, ни его помощницу купить невозможно.

– На совещании я намеренно коснулся только идейной составляющей, которая тоже имеет место быть. А сейчас добавил, что они...

– Нам не доверяют, – поняла Емельянова.

– Да, госпожа президент.

– Ничего удивительного, учитывая, как с ними обошлись.

– Совершенно с вами согласен.

– Люди Краузе непредсказуемы.

– Да, госпожа президент.

– Но ты позволил Аллану взять с собой Сандру.

– Мисс Жарр – наш единственный программист.

– Только поэтому?

– В основном поэтому, – медленно ответил дознаватель. – Вторым аргументом стал тот факт, что участие мисс Жарр в предприятии мистера Райли заставит активизироваться её сообщников, что поможет расследованию.

– Что они сделают?

– Я пока не знаю, – не стал скрывать Козицкий. – Но уверен, что безучастными они не останутся.

– Мы сильно рискуем, подпуская Сандру к рубке управления.

– Во-первых, мы ещё не добрались до рубки. Во-вторых, мистер Райли осведомлён о мисс Жарр и будет тщательно за ней приглядывать.

Козицкий замолчал.

– А в-третьих? – спросила Емельянова, которая прекрасно знала дознавателя и понимала, что он не закончил мысль.

– А в-третьих, госпожа президент, анализ показал, что активность Честера Краузе преимущественно направлена на крупные европейские и североамериканские корпорации и почти не затрагивает наши интересы. Кровавым убийцей его выставили наши коллеги, а это значит...

– К нам у Краузе отношение ровное, – вновь перебила дознавателя президент.

– Совершенно верно, – кивнул Козицкий. – Что, как я надеюсь, поможет нам договориться в том случае, если мисс Жарр сумеет в полной мере использовать свои несомненные способности и при этом превзойдёт мистера Райли в уме и хитрости.

– Весьма разумно, – оценила, после короткой паузы, Емельянова. – И здорово.

– Спасибо, госпожа президент.

– Но для переговоров мне нужны козыри, Козицкий, хоть какая-то полезная информация.

– Нужная информация у вас будет, госпожа президент, – пообещал дознаватель. – Даю слово.

Емельянова знала, что он своё слово сдержит. Не сомневалась. И улыбнулась, глядя на то, как быстро дознаватель возвращается в привычное состояние: собирает бумаги, застёгивает папку, поднимается, кивает и выходит из кабинета.

Не глядя на неё.

Козицкий редко смотрел людям в глаза.

И не только «объектам», то есть тем, кто находился в оперативной разработке или являлся подозреваемым – вообще всем. Давным-давно появившаяся привычка настолько прочно вошла в его жизнь, что похвастаться тем, что дознаватель держится с ними обыкновенно, как нормальный человек, могло крайне малое число людей, их можно было пересчитать по пальцам двух рук. Только старые проверенные друзья и те, кому Козицкий полностью доверял. Остальным доставалась нейтральная отстранённость. А «объектам»... А «объекты», даже опытные, через многое прошедшие уголовники терялись от невозможности поймать взгляд дознавателя, не понимая, куда он смотрит, не понимая, что происходит и как это работает.

Но это работало.

Козицкий досконально изучил методики ведения допросов, как современные, так и старые, тех времён, когда люди ещё не имели технических средств и полагались исключительно на свой ум. Он понимал силу психологического воздействия, которое оказывает хорошо поставленный взгляд, но разработал собственную систему работы с «объектами», гарантированно сбивающую с толку и нервную собеседников, особенно тех, кто привык к мощному напору следователей и жёстким, прожигающим взглядам. Такие люди умели противостоять стандартным процедурам и не понимали, как реагировать на действия Козицкого. А главное, не понимали, что он их прекрасно видит. Точнее, не столько он, сколько самообучающаяся, давно самообучившаяся, но продолжающая совершенствоваться нейросеть, следящая за мимикой «объектов» через три скрытые видекамеры высокого разрешения. Записи допросов Козицкий иногда пересматривал, а вот подсказки нейросети, которые она делала в режиме реального времени, как правило, игнорировал, поскольку в ста случаях из ста знал правильный ответ раньше неё: у дознавателя был абсолютный музыкальный слух, позволяющий различать даже едва слышные оттенки голоса и сделать вывод о том, лжёт собеседник или нет, в каком эмо-

циональном состоянии находится, следует ли на него давить или нужно позволить «объекту» ненадолго расслабиться... По голосу Козицкий мог узнать о человеке больше, чем разглядывая его под микроскопом. Всё остальное делали ум и опыт.

И сейчас его ум был занят поиском тех самых преступников, которых два с лишним года безуспешно пытались поймать все спецслужбы планеты. И если в России и Азии за Краузе особенно не гонялись, а просто внесли в списки разыскиваемых, то в Европе и Северной Америке на него объявили настоящую и очень жёсткую охоту. И особое ожесточение у ФБР, АНБ и их коллег вызывал тот факт, что они до сих пор не знали ни настоящего имени Честера Краузе, ни то, как он в действительности выглядит. Возраст, пол, национальность, гражданство – никаких данных о человеке, которого транснациональные корпорации считали своим злейшим врагом. Краузе не допустил ни одного прокола, ни одной оплошности, он издевался над спецслужбами, которым регулярно устраивали головомойки и даже публичные выволочки, и дождался того, что против него начали действовать за пределами грязно. Подлоги, провокации и давление на СМИ сделали своё дело: из идейного борца с корпорациями Честер Краузе превратился в Кровавого Мясника – не в реальности, а в восприятии аудитории. Но кому нужна реальность, если в статьях, обзорах и репортажах его постоянно называют убийцей? Кто послушает осторожные замечания немногих здравомыслящих людей, предлагающих не торопиться развешивать ярлыки, а провести детальное расследование? Кому нужно расследование, если преступник уже объявлен?

Без всякого расследования.

На том основании, что он неугоден корпорациям.

До сих пор Козицкий делом Краузе не занимался, детали, которые он узнал от коллег, ему не понравились, однако чувства дознаватель всегда оставлял при себе. Всё, что сделали с последователями Краузе, сейчас не имело значения. Ничего не имело значения, кроме того, что на борт «Чайковского» ухитрились проникнуть три опасных преступника и он, Козицкий, обязан их вычислить. И поставить точку в долгой погоне за Честером «Мясником» Краузе. И у него, в отличие от коллег, была великолепная подсказка: Козицкий точно знал, что одна из этих троих – Кассандра Жарр. Загадочная девушка, сумевшая обмануть всех. То есть вообще всех: и спецслужбы, и лучших хакеров, и его, Козицкого... И обмануть не по одному разу. Загадочная и удивительная девушка, с которой дознаватель очень хотел познакомиться лично: не только для того, чтобы предъявить обвинения и арестовать, но и выразить уважение её мастерству и таланту. Но ещё больше Козицкий хотел разгадать Кассандру Жарр, выяснить, кто она на самом деле, а учитывая, что девушка сильно постаралась сохранить инкогнито, задача перед дознавателем стояла нетривиальная.

– Кто же ты такая?

И где научилась так ловко прятаться от Системы?

Несмотря на тотальную оцифровку всего и вся. Несмотря на то что в гигантских информационных центрах, принадлежащих государственным учреждениям, специальным службам и частным компаниям, хранился колоссальный объём сведений едва ли не о каждом жителе Земли: где живёт, с кем спит, как проводит время, сколько денег зарабатывает, сколько тратит, где был семнадцатого сентября с шести тридцати вечера до полуночи... Несмотря на всё это, Козицкий не мог сказать о Кассандре Жарр ни-че-го. Оцифрованный мир, который ещё несколько дней назад казался таким открытым – если у тебя есть доступ, – спасовал перед девушкой, сумевшей познать его законы. Обе личности, которые Сандра сдала Козицкому и которые с лёгкостью проходили цифровую проверку любой сложности и дотошности, оказались фальшивыми.

– Я знаю только одно, девочка: ты – гений.

Хакер-виртуоз, чьё искусство приводило в восторг. В цифровом пространстве Кассандра Жарр чувствовала себя как рыба в воде, была на голову выше лучших специалистов, прохо-

дила сквозь любую защиту, не оставляя следов, но использовала свой талант не на банальное зарабатывание денег – чтобы уехать на какой-нибудь остров и жить на нём припеваючи, – а стала соратником Честера Краузе. Человека, противопоставившего себя системе.

– Получается, ты – идейная?

Получается – да. Но что заставило молодую девушку разделить убеждения террориста? Почему она, имея превосходную возможность выйти из-под удара – с её талантом не составило бы труда сделать себе новую личность и исчезнуть навсегда, – согласилась принять участие в безумной аванюре по захвату «Чайковского»?

Вопросов много. А отыскать на них ответы, не обращаясь к самой Сандре, можно было только одним способом: собрав максимум информации. Поэтому после разговора с президентом Козицкий вышел во двор, где его ждала машина, но садиться в неё не стал, а набрал номер Штерна.

– Марк?

– Кажется, я понял, как вас зовут! – жизнерадостно отозвался помощник Емельяновой, продолжая начатую пару дней назад игру, в которой надеялся выиграть.

– И?

– Жарылкасын!

– Что?

– Только этим я могу объяснить ваше упорное нежелание раскрывать своё имя.

– Вы ошиблись, – вздохнул Козицкий. – Как обычно.

– Жаль... – протянул Штерн. – Вам бы оно подошло.

– Не уверен. – Козицкий знал, что Марк его не видит, но всё равно растянул губы в усмешке. А затем прежним, равнодушным тоном продолжил: – Мне нужно в Балтимор.

– Когда?

– Как можно быстрее.

– Самолёт будет готов в течение двух часов. – Учитывая важность проводящегося расследования, Емельянова распорядилась оказывать Козицкому любую поддержку. – Если вам нужен паспорт...

– У меня есть.

Дипломатический, выданный на чужое, разумеется, имя, но оформленный по всем бюрократическим правилам.

– До аэропорта вы доберётесь за час...

– Распорядитесь, чтобы самолёт был готов через три – мне нужно доделать кое-какие дела.

...

Этого собрания ждали с огромным нетерпением.

И даже проявляли его: пока Линкольн и Райли сидели в «Чайковском», ребята то и дело подходили к Наоми и Вагнеру, уточняя, планируется ли общая встреча, а если планируется, то когда, выслушивали ответ: «Обязательно, но время пока не определено» и кивали головами. Понимали, что капитану и директору «Vasoom Inc.» нужно многое обсудить и сформировать планы на будущее, но всё равно хотели услышать их как можно скорее. Отходили одни – подходили другие. И все разговоры в ангаре вертелись вокруг ближайших перспектив: что их теперь ожидает и как они будут выкручиваться. Ещё обсуждали возможность выйти в коридор и «погулять по кораблю», но при взглядах на стоящих у ворот солдат становилось понятно, что с «прогулками» придётся обождать. Как минимум – до выступления Линкольна. И поэтому, когда объявили общий сбор, ребята обступили «Чайковский» едва ли ни мгновенно.

Трибуной же служил всё тот же ящик, на который привычно взобрался капитан. Помолчал, обводя взглядом ребят, и громко произнёс:

– Добрый день! Я знаю, что затянул с общим собранием, но уверен, вы понимаете причину задержки – требовалось время, чтобы обсудить происходящее с мистером Райли и с Землёй.

– Мы понимаем!

– У вас снова есть связь с Землёй? Что они говорят?

– Они пришлют ещё один клипер?

– Мы сможем выбраться?

– Мы правда летим на Марс?

– А что мы там будем делать?

Аллан, которому впервые пришлось участвовать в подобном мероприятии, слегка оторопел от того, что Линкольна перебили, причём весьма бесцеремонно, а вот на капитана крики слушателей ожидаемо не произвели впечатления. Линкольн дождался, когда все выскажутся, поднял руку и невозмутимо продолжил:

– Позвольте, я расскажу, как обстоят дела? А потом, если у вас останутся вопросы, вы сможете их задать. – Выдержал паузу, давая возможность замолчать последним крикунам, дождался тишины и улыбнулся: – Итак, по порядку. Как вы уже знаете, несколько часов назад к нам присоединились мистер Аллан Райли и члены его команды, что лично я рассматриваю как большой успех. Давайте его поприветствуем.

Вялые аплодисменты показали, что слушатели в целом не удивились первой новости. Однако заданная тема вызвала определённый интерес:

– В каком состоянии VasoomA?

– Мы сможем на нём улететь?

– Он правда разбит вдребезги?

– Его можно починить?

– Миссия провалилась?

– С Земли пришлют ещё один клипер?

Райли закатил глаза, но отвернулся, делая вид, что чихает, чтобы ребята не увидели гримасу.

– Спасательная миссия не провалилась, – жёстко произнёс Линкольн. Намеренно жёстко, желая продемонстрировать абсолютную уверенность в заявлении. – VasoomA, как вы все знаете, находится уровнем ниже, в таком же ангаре, как наш, и требует незначительного ремонта. Задержка с собранием была вызвана в том числе необходимостью оценить ущерб, и сейчас я не сомневаюсь в том, что в течение суток мы сможем вернуть клипер в строй.

Вагнер, у которого по этому поводу были огромные сомнения, вздохнул, но, разумеется, промолчал. Старший офицер обязан следить за моральным состоянием подчинённых, и ложь Линкольна преследовала одну цель – выиграть время. Через сутки можно заявить, что времени потребуется чуть больше, и организовать экскурсию к VasoomA, чтобы показать ход выполнения работ. И так выиграть ещё сутки.

– Хорошо, вы вернёте клипер в строй, а в космос? – громко спросила Диккенс.

– Что? – не понял капитан.

– Ангар ведь закрыт, да? Так же, как наш? Как вы откроете ворота, чтобы VasoomA оказался в космосе?

– Мы работаем над этим, – ответил Линкольн. – План есть, осталось его реализовать.

– Вы им поделитесь?

– Не сразу.

– Почему?

– Потому что мы тоже не хотим оставаться на корабле, мисс Диккенс, – резко бросил капитан. – Мы хотим улететь, и если у вас есть собственные соображения, как лучше это сделать, то подойдите и поделитесь ими. Спасибо!

Линкольн надеялся, что не жёсткий, а уже резкий, причём демонстративно резкий тон заставит собравшихся умолкнуть, но ошибся. Ребята были слишком взволнованы, чтобы обращать внимание на невербальные сигналы.

– То есть вы не знаете, как вытолкать VascoomA в космос?

– А не слишком ли далеко мы улетели?

– Вот именно! Мы сможем добраться до Земли?

– Это второе, о чём я хотел рассказать, – очень громко произнёс капитан. – Несмотря на то что план спасательной миссии оказался слегка нарушен и обратный вылет задерживается, нет никаких сомнений в том, что мы сумеем вернуться.

– У вас нет сомнений?

– У нас хватит топлива?

– А воздуха?

– В каком состоянии клипер?

Слушатели явно выходили из-под контроля, и Аллан жестом предложил Линкольну поменяться. Капитан не стал отнекиваться и быстро свернул выступление.

– Поскольку детальный план спасательной миссии разрабатывался под руководством мистера Райли, он сможет ответить на ваши вопросы точнее меня.

Смена оратора прошла под недовольный, но не очень громкий гул, и поднявшийся на ящик Аллан попробовал развеять его фирменной улыбкой и полным оптимизма голосом:

– Ребята, привет! Я знаю каждого из вас, а вы знаете меня. Знаете, что я не бросаю слов на ветер. И ещё знаете, что я мог бы спокойно руководить спасательной экспедицией из уютного офиса на Земле, а вместо этого я три дня сидел в памперсе, чтобы догнать вас, и мечтаю принять душ, потому что меня тошнит от того, как я сейчас пахну.

– Могу одолжить туалетную воду.

– Выбери самый крепкий аромат и подойди после собрания, – велел директор «Vascoom Inc.» под общий хохот. – Я просто хочу, чтобы вы поняли: я пошёл на эти жертвы только потому, что уверен в том, что мы вернёмся на Землю: я – в свой уютный офис, к скучным будням миллиардера, вы – к родителям, которым я обещал доставить вас целыми и невредимыми, а я привык держать слово. Мы вернёмся, ребята. Да, мой клипер немного пострадал, но мы знаем, как его восстановить, и сделаем это быстро.

– А как мы доберёмся до Земли? – выкрикнул Арнольд, который решил показать ребятам, что он тоже способен на острые вопросы.

– Цепочкой, мистер Хиллари, – кивнул ему Аллан. – В настоящий момент на Луне готовы к старту два клипера, с помощью которых мы сможем вернуться домой. Сразу скажу: мы так ещё не делали, но в успехе не сомневаемся.

– Точно?

– Я ведь здесь, мистер Хиллари, – напомнил директор «Vascoom Inc.». – Я здесь по собственной воле, а суицидальных наклонностей за мной никогда не наблюдалось.

– Спасибо, мистер Райли.

– Всегда пожалуйста, мистер Хиллари.

– А как мы вылетим в космос? – вернулась к своему вопросу художница.

– Как только что сказал капитан: у нас есть план, мисс Диккенс. – Аллан вновь использовал свою знаменитую улыбку. Но очаровать колючую самбо не сумел.

– Такой же, как предыдущий? – уточнила Диккенс.

– Любой план может быть нарушен.

– Как вы откроете ангар, если компьютерная сеть лежит?

– В любой сложной системе предусмотрено несколько контуров управления, мисс Диккенс. Мы намереваемся добраться до того, который управляет воротами ангара, и открыть их.

– Вы собираетесь пойти внутрь корабля?

Ребята заволновались.

– Нам придётся пойти внутрь, чтобы отыскать точку доступа в компьютерную сеть и открыть ворота, – медленно ответил Райли, прекрасно понимая, что последует за его словами.

И не ошибся.

– А почему нас не выпускают?

– Нам тоже интересно!

– Мы тоже хотим искать точку!

– Сначала найди её у Ксюши.

– Уже нашёл.

Смех нескольких парней.

– Идиот! – девичье шипение.

– Мы тоже хотим посмотреть на корабль!

– И поймать инопланетянина.

– А почему нет?

Аллан дождался, когда иссякнет поток вопросов и глупых шуток, изумляясь про себя терпению Линкольна, а когда в ангаре вновь установилась тишина, продолжил:

– Мы находимся на инопланетном корабле, и может получиться так, что нам придётся очень быстро его покинуть. И я хочу, чтобы улетели все и никого не пришлось искать по окрестным коридорам или уровням. Поэтому я прошу вас не пытаться выйти за пределы ангара.

– Но так мы ничего не увидим.

– Но так вы сможете улететь. – Райли помолчал. – Это моя личная просьба: не разбредайтесь и не рискуйте. Я не хочу рассказывать вашим родителям, что не углядел за кем-то из вас и – тем более – что мне пришлось бросить кого-то из вас, чтобы остальные имели возможность улететь.

– А вы бросите?

– Да, мисс Диккенс, – очень жёстко ответил Аллан.

– Потому что хотите домой?

– Потому что это космос, мисс Диккенс, а не кино. И если мне придётся оставить кого-то, чтобы остальные спаслись – я оставлю, потому что закон космоса прост: если что-то пойдёт не так – погибнуть могут все.

– Кто-то уже погиб, – сказала Анна. Сказала тихо, но в наступившей тишине её голос прозвучал очень громко.

– И мне пришлось говорить с их родителями, мисс Баррингтон, что не доставило ни малейшего удовольствия. – Директор «Vacoorn Inc.» выдержал паузу. – И я сделаю всё, чтобы в дальнейшем у меня таких разговоров не было.

...

– Чарльз!

– Наоми. – Услышав окрик, Пятый остановился, повернулся и улыбнулся подошедшей женщине. – Да?

– Уходишь?

Собрание закончилось, ребята расходились по ангари, продолжая обмениваться впечатлениями в своих компаниях, так что в поведении Фрейзера не было ничего странного.

– Нужно пообщаться с друзьями, – объяснил Пятый. – Обсудить услышанное.

– Хорошая мысль, – одобрила Наоми. – Капитан и мистер Райли не были слишком многословны, дополнительные уточнения не помешают.

– Да, – подтвердил Чарльз. – После собрания у многих остались вопросы.

– Почему они их не задали?

– Некоторые не смогли сформулировать или придумали вопросы только после окончания собрания, другие постеснялись... разные обстоятельства.

– Уверена, ты сможешь объяснить им происходящее в правильном ключе.

– Если не смогу – я знаю, к кому обратиться.

– Хорошо. – Наоми помолчала. – Ты ведь общаешься с Баррингтонами?

– Не очень тесно, – медленно ответил Пятый. Амар не могла не знать об его отношениях с Анной, то есть о его попытках построить отношения и сделать их близкими, но вопрос задала так, словно только что появилась в ангаре, что и стало причиной осторожности Фрейзера. – А почему ты спросила?

– Хотела узнать твоё мнение: может ли Баррингтон стать проблемой?

– Анна?

– Анна, – подтвердила Наоми.

– Проблемой для кого? – уточнил Пятый.

– Сейчас объясню. – Женщина мягко взяла Фрейзера под руку и повела прочь от толпы. – Пока мы сидели в запертом ангаре, не зная, что нас ожидает в будущем, и надеялись на появление спасателей, которые увезут нас домой, мы могли позволить ребятам вести себя как угодно... В пределах разумного, разумеется, но в рамках того порядка допускалось очень много. Ребята вели себя весьма свободно.

– Теперь всё изменилось? – прищурился Пятый.

– Не всё, но многое, – ответила Наоми. – Поскольку возвращение откладывается, мистер Райли собирается предпринимать активные действия...

– Он хочет изучить корабль пришельцев? – перебил женщину Чарльз.

– Как минимум изучить, – помедлив, ответила Наоми, заметно выделив первые два слова.

– Он хочет завладеть кораблём? – Фрейзер перешёл на шёпот.

– У мистера Райли есть план, – уклонилась от прямого ответа женщина.

– Ещё один?

– А как, по-твоему, мы вытащим VascoorA в космос? То, что мистер Райли говорил о нескольких контурах – правда, но чтобы добраться до них, нам, возможно, потребуется взять корабль под контроль. Вопрос – как это сделать?

– У нас всё плохо? – спросил Чарльз после довольно длинной паузы. Он, конечно, догадывался, что спасательная миссия с треском провалилась, но одно дело – предполагать, и совсем другое – услышать это от человека, знающего положение дел из первых уст.

– У нас всё непонятно, – вздохнула Наоми. – Ты слышал мистера Райли: он хочет домой не меньше нас, а может – намного больше, потому что дома он миллиардер и один из самых влиятельных людей планеты, а здесь – один из землян, застрявших на чужом корабле. Прилетев сюда, мистер Райли сделал колоссальную ставку, фактически пошёл ва-банк, поэтому он сделает всё, чтобы вернуться. Однако понимание того, что стоит на кону, делает мистера Райли нервным, да и все остальные весьма напряжены, поэтому я прошу: поговори с Анной и объясни ей, что никому из руководителей фронда сейчас не нужна. Мы должны быть едины, и она не должна вставлять палки в колёса.

– Что мы подразумеваем под «палками в колёса»?

– В настоящий момент – всё, что мешает нам ехать.

– Вообще всё?

– Вообще всё, – твёрдо сказала Наоми. – Когда мы окажемся на Земле – тем или иным способом, – пусть кричит сколько угодно, рассказывает об ущемлении своих прав и подаёт в

суд. Но сейчас мистеру Райли нужна абсолютная лояльность, и он будет добиваться её всеми доступными способами. Включая самые жёсткие.

– Почему Аллан не сказал об этом во время собрания? – поинтересовался Чарльз, который прекрасно понял, что имеет в виду Наоми под жёсткими мерами: ему довелось провести время в карцере, правда, за дело. Но теперь, похоже, попасть в карцер станет намного проще, и Анна, с её обострённым чувством справедливости, может загреметь в него с лёгкостью.

– Мистер Райли не сказал об этом на собрании, потому что он – хороший человек, которому приходится принимать непростые решения, – ответила Наоми. – А для проведения непростых решений в жизнь у него есть помощники, в том числе я.

– И что ты для него сделаешь? – неожиданно для самого себя спросил Фрейзер. И услышал ожидаемое:

– Что угодно.

– Аллан умеет подбирать помощников.

– Учись у него, – посоветовала женщина. – В этом нет ничего постыдного – учиться у того, у кого есть чему учиться. Тем более что ты очень нравишься мистеру Райли и он рассматривает тебя как надёжного друга.

– Неужели?

– Мне незачем тебя обманывать, Чарльз, – ласково улыбнулась Наоми. – Ты умный и должен понимать, что выбор у мистера Райли невелик: ты или Арнольд, но из всего, что он о вас услышал, ты идёшь в лидерах.

– И что это значит?

– Это значит, что тебе предложено присоединиться к группе, которую мистер Райли собирает для рейда внутрь корабля.

– Когда предложено? – не понял Чарльз.

– Только что, – рассмеялась женщина. И нежно толкнула его кулачком в грудь. – Дурашка.

– У меня есть время на размышления?

Прохладный вопрос вызвал у Наоми удивление – она ожидала, что Фрейзер с радостью примет предложение, и несколько растерялась.

– Часа будет достаточно?

– Вполне.

– Значит, через час я жду ответа. – Женщина помолчала. – Но от себя хочу добавить, что доверие мистера Райли стоит очень дорого. Дружба с ним крепко тебе поможет.

– Я происхожу из очень влиятельной и очень богатой семьи, – напомнил Пятый.

– И поэтому тебе не нужна дружба других миллиардеров? – притворно удивилась Наоми. И нежно провела рукой по волосам Фрейзера: – Всё будет хорошо, Чарльз. Ты – разумный мужчина и прекрасно понимаешь правила жизни. Кроме того, от тебя не потребуются ничего, что способно тебя как-то задеть или унижить. Нам нужно одно: верность мистеру Райли и чтобы твой авторитет работал на общее дело.

– Я понял.

– Вот и хорошо.

Наоми поцеловала Пятого в щёку – лёгким, дружеским жестом, и направилась к «Чайковскому». Фрейзер же потоптался там, где они расстались – в дальнем углу ангара, затем добрёл до картины Диккенс, – просто чтобы куда-нибудь добрести, поскольку ему нужно было поразмыслить над словами Наоми, и там к нему подошёл Хиллари.

– Привет!

Общаться с ним у Пятого не было никакого желания, но грубить здоровяку, нарываясь на скандал, он не хотел, поэтому ответил сухо, но не зло:

– Что-то нужно?

- Поговорить.
- Это я уже понял.
- О чём ты трепался с Наоми?

Фрейзер догадывался, что Хиллари заинтересуется их разговором, поэтому подготовил ответ: долгий взгляд, полный искреннего изумления. В любое другое время такое поведение вызвало бы у Арнольда гнев, однако сейчас здоровяк тоже не хотел ругаться и примирительным тоном произнёс:

– Извини за этот вопрос, я просто подумал, что ваш разговор может быть связан с тем, что я хотел обсудить.

– А что ты хотел обсудить?

– Дело вот в чём... – Хиллари помялся. – Мы недолюбливаем друг друга, и это, похоже, навсегда, но сейчас – так уж получилось – мы плывём в одной лодке.

– Мы все плывём в одной лодке, – обронил Пятый.

– Я говорю о нас с тобой.

– Чем мы отличаемся от остальных?

– Мы в пуле Райли. И я думаю, это неплохо.

– И решил поделиться нахлынувшими эмоциями?

Арнольд вздрогнул, но снова сдержался. И неожиданно вежливо попросил:

– Не надо грубить.

Ответить на такое воспитанный Фрейзер мог только одним способом:

– Извини, я не оценил, насколько ты серьёзен.

Хиллари кивнул, показав, что принял слова Пятого, и продолжил:

– Я хотел сказать, что хоть мы с тобой в пуле Райли, мы всё равно остаёмся конкурентами.

Пятый чуть склонил голову, но промолчал.

– Но я не хочу с тобой ссориться или гадить исподтишка...

– Почему?

– Потому что ты об этом узнаешь, ответишь и мы начнём настоящую войну.

– А ты не хочешь иметь меня во врагах?

– Мой враг – Беспольный.

Пятый вновь склонил голову.

Арнольд очень хотел подружиться с Октавией, не скрывал этого, настырно набиваясь к Леди в друзья, но девушка предпочла Августа. Её выбор настолько взбесил здоровяка, считавшего, что Октавия обязана быть только с ним, что он полез в драку, однако, несмотря на превосходство в массе, так крепко получил от Беспольного, что от его авторитета остались лишь воспоминания. Неожиданно выяснилось, что Август умеет крушить не только виртуальных врагов, и с тех пор посрамлённый Хиллари к ним с Октавией не приближался. Но злобу затаил.

– Чего ты хочешь? – спросил Пятый, логично рассудив, что вступление затянулось.

– Честную сделку, – тут же ответил Арнольд.

– Я до сих пор не понимаю, о чём ты.

– Райли сказал, что пойдёт внутрь...

– Обязательно пойдёт, – подтвердил Фрейзер.

– Ты об этом говорил с Наоми? – мгновенно бросил Хиллари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.